

ПЕРМСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

Гладышев В.Ф.

ПЕРМСКИЙ НЕКРОПОЛЬ (Егошихинское кладбище - ровесник города Перми). (Печатается по авторскому тексту Владимира Гладышева, в круглых скобках указаны номера кварталов кладбища, примечания, помеченные "В. Г.", - примечания автора, равно как и личные замечания от первого лица.)

Этот заповедный островок, а точнее мыс памяти, омываемый речками Егошихой и Стиксом, многое может рассказать о развитии Перми, о том, как менялись в течение веков нравы и вкусы пермяков, их традиции, уклад жизни и образ мыслей. Пылливому уму история некрополя способна также рассказать о том, что осталось неизбывным и неизменным, что дошло до нас, сегодняшних, из того, что можно назвать основами национального самосознания.

Егошихинское кладбище считается вторым по времени местом погребений в Перми. В городе, который ведет свою биографию с 1723 года, когда "птенцом гнезда Петрова" В. Н. Татищевым был основан Егошихинский медеплавильный завод. А первым стал погост возле тогда еще деревянной церкви во имя апостолов Петра и Павла, которая была заложена в 1724 году, освящена в 1726 году, как свидетельствует священник этой церкви и автор "летописца" (летописи) Гавриил Сапожников. В тот же период появилось поблизости и заводское кладбище, просуществовавшее недолго. Место для "последнего убежища" уже во второй половине XVIII века перенесли на берег Егошихи. (Туда, где, по устным преданиям, жители ближайшего поселения предавали земле усопших родичей еще до основания завода.)

Существует исследование (неопубликованное) В. В. Голубцова (1855-1892), которое называется так: "Пермский некрополь. Материалы для биографического словаря достопамятных людей Пермского края", в нем собраны сведения о захоронениях на всех местных кладбищах, начиная с 1732 года (данные, правда, очень не полные и только до 1890-х годов). ...Надо сказать, тема эта сложная, настраивающая на определенный лад, часто даже расстраивающая, а то и пугающая... "Не время выкликать теней: и так уж мрачен этот час. Усопших образ тем страшней, чем в жизни был милей для нас" - чисто по-женски выразила ощущения многих поэт Наталья Роскина. Другое отношение, более "оптимистичное", отразил Шекспир: "Над смертью властвуй в жизни быстротечной, / И смерть уйдет, а ты пребудешь вечно".

Каждый человек задумывается когда-нибудь о смысле и скоротечности жизни. В самом деле, "как можно чувствовать себя важной персоной, когда знаешь, что смерть неуклонно идет по твоему следу?" Это сказал философ XX века Карлос Кастанеда в оригинальном труде "Учение Дона Хуана". И еще одно его умозаключение: "Когда ты в нетерпении или раздражении - оглянись налево и спроси совета у своей смерти. Масса мелочной шелухи мигом отлетит прочь, если смерть подаст тебе знак...Смерть - наш вечный попутчик, она всегда находится слева от нас, на расстоянии вытянутой руки".

Нужно помнить о предупреждении русского философа Николая Федоровича Федорова (1828-1903) - того самого, кто выдвинул "проект всеобщего воскрешения умерших" и преодоления страха смерти средствами современной науки. Он говорил: "Духовное одичание приведет к тому, что кладбища превратятся в гульбища".

В оправдание свое нерадивые потомки, ныне живущие, могут, наверное, привести слова историка-генеалого В. В. Голубцова (который, кстати, был потомком последнего

пермского воеводы): "Кроме этих анонимных или сделавшихся неизвестными могил на Старом кладбище, а также на кладбище при Архиерейском доме и на Новом кладбище находятся еще много анонимных кирпичных памятников с железной кровелькой и простых холмов" (!). То есть, и в этом отношении мы не меняемся, суть человеческая всегда одна?

Как сказано в Библии: "Яко земля еси, и в землю отыдеши", что в более доходчивом переводе звучит так: "И сказал Господь Бог (Адаму)...в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься".

Ход жизни неумолим, и сколько угодно случаев, когда пресекается род, пересыхает ручеек памяти... И сегодня состояние многих памятников старинного некрополя, которые можно отнести к разряду достопримечательностей, характеризуется как неудовлетворительное. И это несмотря на то, что Егошихинское кладбище - мемориальное, категория охраны - местная. Но у того же Голубцова можно прочесть такое обоснование его необычного, особенно для того времени, проекта:

"...В отвращение могущей произойти дальнейшей утраты надгробных материалов и сведений о тех лицах, имена которых так или иначе связаны с прошлым Пермского края, а также имея в виду несомненно важное значение надгробных надписей для генеалогических справок, и составил предлагаемый охранный список могил города Перми, находящихся в древних церквах и на кладбищах..."

Охранный список (!) его, увы, был вскоре забыт. Голубцовское сокращение АД (кладбище у Архиерейского дома) оказалось пророческим: для праха захороненных здесь это оскверненное место действительно стало адом, или точнее - зоо-с-адом...

Территория всех кладбищ Перми на 2001 год составляла около 450 га (включая новые дополнения, выделенные для этих целей). Площадь Егошихинского некрополя - 50 га. Из самых старых назовем Запрудское кладбище в Мотовилихе, несколько могил у нынешнего кафедрального Свято-Троицкого собора (на Слудской горе), у церкви Казанской Божьей матери-усыпальницы Каменских (территория Успенского женского монастыря). Крупное кладбище существовало возле Никольской церкви в Мотовилихе (Рабочий поселок), теперь там - мемориал воинам-землякам. Несколько советских десятилетий действовали кладбища в Индустриальном районе, в Верхних Муллах (закрыты). Есть кладбища в Орджоникидзевском, Кировском, Мотовилихинском районах. Из ныне действующих самые крупные - Южное и Северное кладбища. ...В марте 1930 года Пермский горсовет под председательством товарища Сидорова принял постановление "О регистрации надгробий на кладбищах Перми". Коммунальному отделу разрешалось установить плату за регистрацию надгробий и оград (каменных, металлических и гранитных), причем с рабочих и приравненных к ним категорий взималась льготная сумма (2 рубля), с остальных - на три рубля больше. По истечении срока незарегистрированные надгробия "как бесхозяйственные (так в тексте. - В. Г.) снять".

Цель как будто бы была благая: навести порядок на кладбищах. Но существовал и дальний прицел: в городе появился план массивированного наступления на старинные кладбища, как самые явные, зримые свидетельства, "пережитки прошлого". Поэтому начало 30-х можно считать самым роковым периодом схватки с этими самыми "пережитками" и осколками", а кульминацией стал разгон пермских краеведов (этот процесс шел по всему Советскому Союзу, остракизму подвергалось всяческое увлечение

стариной) и уничтожение Архиерейского кладбища. Потому что никаких сроков регистрации, конечно, власть соблюдать не намеревалась. Поскольку 6 апреля того же 1931 года президиум горсовета принял решение "О переводе зоопарка".

"Постановили: 1. В выборе места для переноса зоопарка ориентироваться на Ягошиху. 2. При переводе зоопарка расходы возложить на авиа-школу..."

Но нетерпение было столь велико (видимо, тот случай, когда "руки чесались" у пермских начальников, ими овладело страстное желание быстрее доложить и отличиться), что не прошло и трех месяцев, как на заседании "Большого Президиума" Пермского горсовета принимается решение: "...Об обеспечении работ по срочному перемещению зоосада на новую территорию усадьбы музея (бывшее кладбище)". Все! Приговорили архиерейское, потому что Егошихинское кладбище все же находилось несколько на отшибе, в уединенном месте. А архиерейское "мозолило" глаза гостям в самом центре города, возле бывшего Спасо-Преображенского собора.

Решение было столь же молниеносно выполнено. Причем силами общественности, но не пощадили и курсантов авиа-школы первого набора (среди них и будущий ас, трижды Герой Советского Союза Покрышкин), голыми руками растаскивали массивные старинные надгробия. И не откажешься ведь, потому что люди военные, приказ есть приказ, постановлением горсовета было предусмотрено и это: "...Обязать тов. Кэсюла (начальника школы - В. Г.) оказать содействие по приспособлению площади под зоопарк..."

И приспособили - во мгновение ока. Так что до сих пор потомкам стыдно.

После того как было уничтожено Архиерейское кладбище (существовавшее с конца XVIII века), Егошихинское осталось единственным свидетелем "старинной глубокой", его с полным правом можно называть городским историческим некрополем. Интересная деталь: один из "отцов" Пермского зоосада видный климатолог Ф. Н. Панаев (именно он был в числе инициаторов создания "уголка живой природы") похоронен тоже на Егошихинском кладбище (умер в 1933 году), его могила сохранилась, то есть он избежал той страшной посмертной участи многих известных и неизвестных пермяков, чьи захоронения оказались оскверненными под звериными клетками.

Одно время считалось, что Архиерейское кладбище - чуть ли не главное и "престижное" в губернской столице, потому что здесь хоронили губернаторов, епископов, именитых и состоятельных людей. Это так и не совсем так. Епископов, конечно, хоронили, поскольку кладбище у архиерейского дома. Но из всех 26 губернаторов дореволюционной поры покоился здесь лишь один (В. А. Енакиев), а что касается именитых и состоятельных, то в этом отношении - никакого различия, хоронили и там, и там. Представителей местного "думающего класса" или "прослойки", как называют еще интеллигенцию, большей частью, конечно, хоронили на Егошихинском, разноконфессиональном, "общем" кладбище, здесь и артисты, и писатели, и живописцы, и, конечно, самые известные зодчие (Карвовский, Турчевич, Попатенко). Нужно учесть также, что оно действовало почти на век дольше Архиерейского, потому что и раньше заложено, и позже закрыто.

Попутно развеем и другое заблуждение. Вдоль территории кладбища протекает, кроме Ягошихи (Ягошихи - как писали в старину), еще одна небольшая речка, с символическим названием Стикс. Откуда, каким образом появилось в далеких Гипербореях эхо древнегреческой мифологии? По преданию, этим мрачноватым

юмористом был сам Александр I, император российский, приезжавший в Пермь за год до своей странной кончины в Таганроге. Однако есть более ранние упоминания названия местной реки царства мертвых.

Если взять план Перми, "высочайше подтвержденный" в 1823 года, то увидим: Стикс на нем уже обозначен. Еще один документ. В "Летописи города Перми" В. Н. Трапезникова читаем: "1784 года 10 января утвержден план губернского города "Перма"...10 декабря освящен храм на "старом" кладбище во имя Всех Святых... Начитанное в греческой мифологии "образованное" пермское общество назвало ручей, отделяющий кладбище от города, Стиксом - по имени реки, через которую легендарный перевозчик Харон перевозил души умерших в Аид".

Заметим, Трапезников слово "образованное" берет в кавычки, возможно, летописцу использование мифологического образа показалось неуместным - кто знает? Но бесспорно одно - отношение пермяков к всемирной истории было всегда своеобразным.

Пермский историк Никита Саввич Попов, автор фундаментального "Хозяйственного описания Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию..." (Пермь, 1804 г.; Санкт-Петербург, 1813 г.), так писал об этом месте: "Сие кладбище находится на мысу, составляемом речкою Егошихою, буераком (по коему протекает в нем ручей), составляющим южно-восточные города пределы, и другим меньшим с ним соединяющимся (мысом. - Авт.), по коему проложена дорога..."

Дорога, соединявшая Пермь с Мотовилихинским заводом, действительно была (только немного в другом месте) еще до 30-х годов нашего века. По ней увозили на расстрел в июне 1918-го и великого князя Михаила Романова, "скраденного" большевиками вместе с его верным секретарем-англичанином из Королевских номеров.

А вот что нам сможет рассказать буйная поросль на кладбище? Тот же Попов свидетельствует, что кладбище осеялось "высокими елями, оставшимися от бывшего тут еще в 1786 году большого леса. В сей-то редкой теперь еловой роще погребаются усопшие. Некоторые отличаются воздвигнутыми над ними каменными мавзолеями, также чугунными, с вылитыми на них надписями, и мраморными надгробиями..."

В литературных источниках прошлого века упоминается "дремучий бор" (например, у Е. Вердеревского, приглашавшего каждого гостя "сходить на старое кладбище"). Однако до наших времен уцелели вековые липы, тополя, березы, а из хвойных деревьев остались сосны возле могил Героя Советского Союза Исхакова, участка Петуховых, Бобылева да елочка в семейной оградке Вологдиных. Повсюду разрослись бузина, считающаяся в народе символом сострадания, и боярышник - это надежда...

Поражают кресты, сросшиеся с телом деревьев. Одно надгробие, недалеко от Всехсвятской церкви, уже безымянное, с годами оказалось просто намертво "обнято" тополем, дерево вобрало железный памятник в себя, как заботливая мать-природа. (Вспомним эпитафию на могиле Г. В. Плеханова: "Он слился с природой"...). Нераздельная слитность эта глубоко символична и лишней раз доказывает всю абсурдность и бесчеловечность одного "проекта", существовавшего в советские годы, об уничтожении кладбища и разбивке здесь парка. Пришлось бы выкорчевывать, удалять памятники, вырывать с корнями... такая "операция" ни для кого не проходит бесследно. От дикого этого плана отказались, но вот гаражи со стороны ул. Тихой все-таки появились, они опасно наступают, захватив "пограничные" захоронения...

Кладбищенские храмы. Верующий был народ - пермяки. Два православных храма появилось на Егошихинском кладбище: Успения Божьей матери (Старокладбищенская, арх. А. Ожегов, 1905 год) и Всех Святых (Новокладбищенская, арх. И. Свиязев, 1832 год). Возле Старокладбищенской церкви, когда она стояла еще в первом, деревянном варианте и называлась Всехсвятской (до постройки Новокладбищенской церкви-ротонды), существовала богадельня.

Еще порученец Екатерины Великой пермский наместник генерал-губернатор Е. П. Кашкин дал приказу общественного призрения распоряжение о "построении близ города Перми церкви для погребения умерших": "Дорога, идущая к кладбищу...яко необходимейшая по течению жизни человеческой, должна быть сочтена равно яко б лежащая среди города улица".

Так как смерть и погребение, пишет летописец, искони были обставлены религиозными обрядами, устройство могильника непременно вызывало постройку церкви. На постройку ее была составлена смета в 1452 рублей 12 копеек. Деньги эти составлялись из пожертвований, например, "от шартаских жителей - 500 руб., Кыштымского завода медной монетой 60 рублей, от заводчиков - 95 руб., в Красноуфимском заводе собрано 67 руб. 11 коп..."

Некрополь старожилами привычно делится на две части: Старое кладбище (что ближе к воинскому захоронению и дамбе, далее сокращенно - СК) и Новое (НК), меж ними проходит глубокий овраг, лог. Деление это относительно, поскольку в XX веке, в советские годы хоронили, "подхоранивали" уже и там, и там.

Обратимся к свидетельству литературы середины XIX века. Е. Вердеревский писал: "В Перми есть пять прекрасных каменных церквей и одна деревянная (на живописном здешнем "старом" кладбище)". Слово взято в кавычки: в первой четверти XIX века деление кладбища на старое и новое, видимо, только появилось и еще не прижилось в сознании жителей.

Интересное подтверждение сложности отношений местного имущего класса с церковью находим у В. С. Верхоланцева в его "Летописи г. Перми": "...12 июля 1887 года в Успенской церкви на старом кладбище поставлены на место и освящены новые царские врата из кованого серебра изящной ажурной работы стоимостью 2000 рублей. Имя жертвователя сохраняется, по желанию его, в тайне". Таких анонимных жертвователей, надеявшихся приоткрыть для себя врата в неземной рай, в старину было немало. Кто знает, возможно, подобную щедрость в пользу церкви инспирировало создание в том же 1887 году "Общества для поддержания чистоты нравов" (позднее оно было названо в честь Св. Стефана Великопермского). Такое общество и ныне пришлось бы ко двору.

Тех врат из серебра, разумеется, не сохранилось. Как не сохранилось, увы, и архивов этого кладбища, которые были бы сегодня вообще на вес золота. Но... сгорели все записи (а может, попросту были сожжены), так что краоведам приходится восстанавливать историю преимущественно "по факту", по надгробным надписям.

В начале 1990-х годов давно уже пустовавшее помещение Успенской церкви было возвращено верующим. И те под руководством энергичного настоятеля отца Иоанна (Сексяева) смогли сравнительно быстро восстановить церковь. Нужно упомянуть здесь и добровольцев, местных краеведов, которые внесли свою лепту в сохранение храма и близлежащих надгробий.

Всехсвятскому храму повезло больше: он был закрыт ненадолго, а в годы Великой Отечественной войны прихожане этого храма даже вошли в историю: получили благодарность от Верховного главнокомандующего (Сталина) за то, что собрали и перечислили большие суммы пожертвований на нужды фронта. Обратим внимание на то, что колокольня этого памятника классицизма была перестроена в конце XIX века.

"Город Пермь закладывали старообрядцы" - такое утверждение ревнителей "древлеправославия", если "копнуть поглубже", также не расходится с историческими фактами. История некрополя подтверждает это. Первыми рабочими Егошихинского завода стали не только солдаты, кунгурские крестьяне и авантюристы, люди, скрывавшиеся от закона, но и староверы поповского согласия (то есть со своими священниками), укрывавшиеся в лесах. Староверческие были края, сюда, на Урал, бежали последователи неистового Аввакума. Неслучайно и миссионерство в наших краях было сильно - адекватный ответ "никониян" - и единоверческих церквей немало появилось в XIX веке.

Почти во всех кварталах некрополя встречаются старообрядческие кресты, как правило, деревянные, "домиком", так называемые голубцы. Хронологические рамки - два последних века. В ограде староверов из семьи Печеницыных прочитывается только имя одного из последних представителей рода: Селиверста Никитича (1931-1955). Могилы - на самой границе между Старым и Новым кладбищами, под старинными березами. Как между старым и новым светом. На Старом кладбище были похоронены бывшие пермские бургомистры купцы Суслов и Соколов. На высоком холме у той же природной границы между двумя частями православных кварталов бросаются в глаза несколько могил под могучими тополями, в железной ограде, покосившейся, местами упавшей, - это семейные участки купцов-старообрядцев Нечаевых, Миронычевых и других; оказывается, был период, когда староверы хоронили своих в определенном месте, кучно (V). У самой дорожки, ведущей к Успенскому храму, - массивное надгробие И. Г. Марьина, купца и многолетнего старосты Свято-Троицкой единоверческой градо-Пермской церкви. Рядом - семейный участок Крыловых. Возле Всехсвятского храма покоятся наследники Пермских (XI).

Когда в 1996 году отмечалось 600-летие преставления (кончины) Св. Стефана Великопермского, в одно время с Патриархом Алексием II приезжал в Пермь и митрополит Московский и всея Руси Алимпий, первоиерарх Русской древлеправославной (старообрядческой) церкви. Посетил он и Егошихинское кладбище, но краткую литию отслужили не в храме, а под открытым небом, возле одной из могил с деревянным голубцом. (В. Даль в своем словаре дает примечательное уточнение о том, что подобные кресты запрещены. Это было время, когда также действовало распоряжение Министерства внутренних дел (1853) об уничтожении раскольничьих кладбищ. Одно из них располагалось в Перми, на берегу Данилихи, и подверглось уничтожению. После реформ 1905 года запрещения уже не действовали.)

Тогда же появилось издание "Похвала Святителю Стефану Великопермскому (Москва - Пермь, 1996), в котором говорится о том, что становлению пермского старообрядчества в немалой степени способствовала организация казенных дворянских, а потом и купеческих горных заводов на Урале и в Предуралье в 1-й половине XVIII века. Рабочие этих предприятий пользовались относительной религиозной свободой. Данное обстоятельство, вкуче с возможностью неплохого заработка, привлекло в Пермско-Уральский регион тысячи старообрядцев из Московской, Тульской, Нижегородской и Олонецкой губерний. Известен факт, что при доме Стефана Адищева староверы-рабочие имели моленную. А зять его, Василий Гаврилович Соловьев, взявший на себя попечение о

моленной, стал даже управителем Егошихинского завода. Он сумел добиться от графа Воронцова увольнения из крепостных и позднее был приписан к купеческому сословию. Упокоился Соловьев, судя по всему, также на Егошихинском мысу.

На кладбище давние межконфессиональные споры, конечно, нужно забыть. "Приидите ко мне еси труждающиеся и обремененные и аз упокою вы". Эта объединяющая и примиряющая мысль Спасителя встречается на нескольких надгробиях пермяков, например, на "аналогах" А. П. Богдановича (XII), Юлиана Наградского (III). На надгробии-арке диакона А. И. Попова и его жены (у изгороди Всехсвятского храма) высечена надпись: "Со святыми упокой храни, Господь, души рабов твоих".

Неподалеку - памятник вдове священника Байбалова с надписью: "Господи, со святыми упокой душу рабы твоей Сусанны", а в лампаднице памятника - гнездышко какой-то пташки. Вот также заботливо вила семейное гнездо и боголюбивая, богобоязненная, замаливавшая грехи пермская Сусанна...

Закрытое еще в 60-е годы, историческое кладбище получило свое логическое завершение, можно сказать, во второй половине 90-х, когда здесь появились памятник жертвам политических репрессий, а также крест на предполагаемом месте захоронения заложников из царской свиты, расстрелянных в 1918 году. Кроме того, в качестве исключения на давно закрытом кладбище в 90-х годах в оградках двух кладбищенских храмов появились также скромные могилки монахов возрожденных пермских монастырей.

С 1993 года кладбище это частично было взято на местный учет как объект, который надо беречь. С 1997 года действует Закон "Об историко-культурно-природном наследии населения Пермской области", по которому некрополь взят на государственный учет. Охраняется как памятник истории и культуры. Охраняется плохо, порядка на нем пока мало, но есть отрадное явление: в последние годы на старых могилах появляются новые памятники и художественные надгробия. Исторический некрополь приобретает цивилизованный вид...

Летописцы, историки: Один мудрец сказал, что о человеке надо знать три главных вещи: как родился, как женился и как отправился к праотцам... Книжечка эта, посвященная последней "станции", наверное, не появилась бы на свет, если б не довелось мне однажды пройтись по кладбищу с таким замечательным экскурсоводом, как С. А. Торопов (1928 - 1990). Основатель клуба "Пермский краевед" (1981) был автором нескольких книг по истории родного края, много путешествовал, не случайно мемориальная доска в его честь была открыта в 1990 году на здании центра юного туриста на Малой Ямской. Увлечен он и историей кладбищ, одно из последних занятий клуба провел по Пермскому (Егошихинскому) некрополю. (Сам краевед покоится на Северном кладбище.) Сергей Афанасьевич основательно разрабатывал тему краеведения.

Для большинства ведущих пермских летописцев местом последнего пристанища стало Егошихинское кладбище-некрополь. Сложность исследования в том, что архивы его, церковные книги сгорели во время пожара. Не все надгробия сохранились до наших времен. Не знаем мы, где точно похоронен (где-то на СК) упомянутый выше Никита Саввич Попов (1763-1834), первый директор Пермской мужской гимназии, географ, краевед.

Протоиерей Евгений Алексеевич Попов (1824-1888) - весьма плодовитый историк епархии и края, устроитель часовни Св. Стефана Великопермского, автор многих книг, в

том числе и для юношества, например: "Дети! Никогда не начинайте курить табак" (похоронен у алтаря Всехсвятского храма).

В самом храме был устроен склеп, под сводами которого упокоились два именитых гражданина Перми, отец и сын Смышляевы. Про Новокладбищенскую церковь, как называли ее пермяки, справочники прошлого века сообщали, что "построена она усердием городского головы Д. Е. Смышляева". Отсюда и такая честь.

Смышляев Дмитрий Дмитриевич (1828-1893) - не только известный краевед, историк, на свои средства издававший "Пермские сборники". Он был первым председателем губернской земской управы (1870-1879), почетным членом Палестинского Императорского общества, Уральского общества любителей естествознания, а также ряда других обществ. Кавалер многих орденов, в том числе такого редкого, как орден Гроба Господня. Много путешествовал, написал ряд книг. Из летописи В. С. Верхоланцева узнаем, что похоронен сей "замечательный человек, известный всей России, на Новом кладбище под храмом". Место склепа Смышляевых со временем оказалось забыто. Но дела их помнят благодарные пермяки. В честь Д. Д. Смышляева проводятся регулярные Смышляевские чтения в областной библиотеке им. Горького, а на здании Пушкинской библиотеки (бывший дом Смышляевых, позднее - городская Дума) открыта мемориальная доска.

Шишонко Василий Никифорович (1833, по другим сведениям 1831, -1889) - врач, педагог, этнограф, член Русского географического общества, действительный статский советник; будучи директором народных училищ, преуспел как организатор народного образования на Урале. Seriously увлекшись краеведением, за выпуск семитомной "Пермской летописи" был удостоен Большой серебряной медали на научно-промышленной выставке в Екатеринбурге в 1887 году. Кроме того, он автор ряда практических полезных изданий, например: "Приготовление кумыса из кобыльего и коровьего молока" (III).

Вологдин Иван Васильевич (1842- 1895) - член Пермской губернской земской управы, публицист, в краеведении выступал как ученик и последователь своего земляка, уроженца Очера, автора "Летописи губернского города Перми. 1781-1844" Ф. А. Прядыльщикова. Пожертвовал усадебную землю для Очерской земской больницы. Похоронен на Новом кладбище. Недалеко от него, только намного раньше, в 1816 году, упокоился Вологдин Матвей Алексеевич, поверенный графа П. А. Строганова, на памятнике была эпитафия: "Помысли, человек, велик ли был твой век? Он был ничто иное, как луч в ясный день. Но теперь совсем другое: он показывает тень". (Поверенный прожил всего 28 лет).

Дмитриев Александр Алексеевич (1854-1902) - единственный профессиональный историк из краеведов поколения прошлого века, автор, составитель восьми ценнейших выпусков сборника "Пермская старина". Возможно, Дмитриев сам составил примечательную эпитафию на памятнике (не сохранившемся) своего отца, умершего в 1877 году: "Дети твои до гроба будут питать чувство благодарности за твои отеческие заботы". Оборот этот - "до гроба" (в смысле: всегда, вечно) - приобретает в данном контексте и буквальное значение: после того, как гроб закопан, наступает забвение. Памятник А. А. Дмитриеву, установленный на его могиле, пока не обнаружен. Недалеко от могилы Е. П. Серебренниковой (НК) есть черномраморный памятник Дмитриеву Александру Александровичу (1880-1941), вместе с ним похоронена А. Д. Лапина (1856-1943). Может, родственники краеведа? А возле Успенской церкви есть могила Андерсона

Франца Андреевича (1895-1951), доцента Пермского университета, автора первой научной работы о А. А. Дмитриеве как историке Урала.

Кривошеков Иван Яковлевич (1854-1916) - краевед, археолог, действительный член Императорского Русского географического общества, много сделавший для развития коми-пермяцкой культуры. Карта Пермской области, выполненная им, удостоена медали выставки; автор первого на Урале краеведческого руководства - "Географического очерка Пермской губернии", выпущенного в 1914 году. Член совета научно-промышленного музея, ученой архивной комиссии, был представителем Перми по делу учреждения Пермского университета. Коренной пермяк, коми-морт, "незаурядный человек, крупный провинциальный работник" (характеристика П. С. Богословского) (НК).

Вехоланцев Владимир Степанович (1879-1947) - педагог и краевед, пожалуй, самый читаемый ныне, вот и при подготовке этого очерка нам очень помогли его книги: "Летопись города Перми с 1890 по 1912 год", "Город Пермь, его прошлое и настоящее" (ХП).

Сюзев Павел Васильевич (1867-1928) - ботаник, лесовод, краевед. Один из авторов-составителей "Иллюстрированного путеводителя по р. Каме и по р. Вишере с Колвой" (Пермь, 1911). Был удостоен Большой золотой медали Русского географического общества за книгу "Конспект флоры Урала" (1912). Сюзев - уроженец села Ильинское, участник русско-японской и Первой мировой войн. Он был одним из организаторов Русского ботанического общества, почетным членом Уральского общества любителей естествознания, несколько лет возглавлял совет Пермского научно-промышленного музея и активно сотрудничал с губернской ученой архивной комиссией. Последние годы жизни П. В. Сюзев был профессором Пермского университета. Возможно, могила профессора расположена рядом с надгробием Сюзовой Дарьи Александровны (1882-1959), где стоит еще один памятник, неопознанный, в полуразрушенном состоянии (за польским участком, ближе к Стиксу).

Об одном из организаторов научно-промышленного музея докторе Павле Николаевиче Серебренникове (1849-1917), упокоившемся на кладбище между Егошихой и Стиксом, подробнее смотрите ниже, в главе об ученом сословии.

А вот могила его однофамильца, фольклориста и педагога В. Н. Серебренникова (Аргентова) оказалась утраченной (скончалась в январе 1943 года). Как и могила журналиста, краеведа и лекаря В. А. Весновского (1873-1932), Героя Труда РСФСР (звание это было присвоено Виктору Александровичу в Сибири, и совсем не за краеведческие изыскания, а за то, что, как было написано в Почетном адресе: "...лучшие молодые годы, всю свою энергию и силу Вы отдали службе трудовому народу. Под натиском чудовищных эпидемий, уносивших тысячи Ваших товарищей на работе, Вы безбоязненно оставались на посту, охраняя здоровье человека..." (ГАПО, ф. 1251, оп. 1, № 82, 83).

Также не обнаружено (пока) и место захоронения лесоведа, лингвиста, составителя "Пермяцко-русского и русско-пермяцкого словаря" (премия Академии наук) Н. А. Рогова (1825-1905). О Николае Абрамовиче современники его писали: "Будущему историку Пермского края предстоит благодарная роль (!) осветить облик и полезную деятельность покойного..."

По некоторым данным, в Егошихинском некрополе похоронены и такие известные краеведы, как редактор "Пермских губернских ведомостей", издатель "Памятной книжки

Пермской губернии на 1863 год..." Самуил Пенн, журналист, путешественник В. В. Южаков.

На берегу пермского Стикса есть семейный участок Трапезниковых, здесь мог упокоиться и известный наш летописец Владимир Николаевич Трапезников. Но он сгинул в сталинских лагерях.

Нетрудно догадаться, что пермское краеведческое движение, представленное такими фигурами, как писал профессор Л. Е. Иофа, - "одно из наиболее сильных и ярких в провинциальной России".

Эти люди, помимо неистощимой любознательности и любви к родному краю, имели еще одно общее качество, которое выделял и С. А. Торопов, - упорство в достижении цели. У него был любимый афоризм полководца Суворова: "Потерять все не есть потерять, но потерять присутствие духа - уже потерять все..."

Национальные кладбища: Судьба иностранца, попавшего в глубинку, в глушь, всегда была не простой. Вот яркий тому пример. Прянишниковы Наталья Васильевна (скончалась в 1797 году на 68-м году) и три дочери статского советника Ивана Даниловича П. (СК). С этой фамилией связана прелюбопытная история, характеризующая "Пермский Вавилон". Сам Прянишников происходил из дворян, в Пермское наместничество прислан аккурат в 1781 году, когда учрежден город Пермь. И в том же году женился - на француженке Мари, или Марии Ивановне. Был председателем Верхнего земского суда, а с 1784 года - председателем гражданской палаты, с 1802 года - член комиссии о состоянии законов. Иван Данилович и Мария Ивановна имели семь детей. Жену его чуть было не выселили из пределов России в 1793 году, при наместнике Волкове (это год буржуазной революции во Франции, тогда было приказано выдворять французов); летописец предполагает, что чиновники при этом руководствовались старыми списками иностранных представителей, и бодро заключает: "Дело конечно (!) скоро уладилось".

История национальных участков этого кладбища - своеобразное отражение истории заселения Перми и верный барометр изменений на этнографической карте города в разные периоды. Недаром поэт-футурист Василий Каменский называл родную Пермь "пристанью всяких инородств", здесь и в конце XX века мирно проживают представители более ста национальностей.

Постановлением Пермского областного совета народных депутатов № 683 (принятого 20 мая 1993 года) под охрану было взято старое православное кладбище (далее СК) - 1,6 га, новое православное (НК) - 6 га, мусульманское (МК) - 1,2 га, иудейское (ИК) - 0,6 га, католическое (КК) - 0,1 га. Причем состояние иудейского и мусульманского кладбищ сразу было оценено специалистами как неудовлетворительное.

Лютеранский (немецкий) участок (ЛК) на старом православном кладбище решено было почему-то не выделять. Его состояние также нельзя назвать удовлетворительным.

Немецкое (лютеранское) кладбище - "Фридрих". Присутствие немцев на Егошихинском мысу фиксируется с первых десятилетий существования города. Как известно, выходцем из немцев был и губернатор Карл Модерах, и некоторые его сподвижники. На Старом и Новом кладбищах похоронено немало чиновников из немцев: надворный советник П. К. Генеман (умер в 1857 году), председатель Пермской палаты уголовного суда статский советник Владимир Иванович фон Галлер (умер в 1846 году).

Здесь сохранились семейные участки обрусевших немцев: Берггрюн (один из членов семьи служил тюремным врачом); Майер (глава фамилии был обербергмейстером - старшим горным мастером); всем пермякам была необходима аптека Боне...

Недалеко друг от друга, возле Успенской церкви, оказались надгробия двух управляющих Пермской казенной палатой разных лет - генерал-лейтенанта Бурмайстера (1784-1866), основателя Пермского общества взаимного кредита (рядом лежат его брат и сестра, на одном из памятников есть эпитафия по-немецки) и статского советника Адольфа Александровича Фолькмана (умер в октябре 1906 года).

Несколько в стороне оказалось захоронение пастора, памятник на могиле его также был установлен не сразу. Это Ротхаст Виктор Теодор (1820-1885), на каменном кресте - надпись по-немецки: "От благодарной евангельско-лютеранской общины 1904 г." (III).

Под одной плитой похоронены Михаил и Наталья Рейхманы, но на их надгробии уже не лютеранский крест, а православный. Появлялись смешанные браки, взаимовлияние и взаимопроникновение национальных культур, традиций приводило, как известно, и к такому понятию, как обрусевшие немцы. Здесь же был, например, похоронен (1844) надворный советник Мерзляков Иван Алексеевич - родственник русского поэта и учителя М. Ю Лермонтова А. Ф. Мерзлякова (помните его песню "Среди долины ровныя..."). Вдова Мерзлякова позже вышла замуж за упомянутого выше председателя Пермской палаты уголовного суда Галлера. У Успенской церкви лежит массивная каменная плита на могиле Зиновии Федоровны Генеман (Холостовой, 1839-1864).

Пермякам нескольких поколений памятна фамилия Циммерман, Кюнтцель - здесь участок двух породнившихся семей пермских немцев, немало сделавших для развития культуры и здравоохранения Перми. На Урале эта фамилия появилась во время строительства Егошихинского завода: принимал участие "плавильной мастер Цыммерман" - саксонец Вольф Мартин Циммерман (родственные связи здесь не прослежены). На лютеранском кладбище покоится пермский врач, действительный статский советник Владимир Иванович фон Циммерман (1812-1883). Основательницами одной из лучших частных гимназий Перми были сестры Эвелина (жена владельца типографии Гениха), Отиллия и Маргарита Циммерман. Среди потомков существует предположение, что какими-то своими черточками пермские сестры послужили в качестве прообразов для пьесы "Три сестры" А. П. Чехова. К сожалению, следы сестер в советские годы теряются; на Егошихинском кладбище была похоронена старшая из них, Отиллия (предположительно в общей могиле арестантов, умерших в больнице "исправительно-трудового дома № 1", попросту - тюрьмы).

Надгробные плиты на лютеранском участке в большинстве своем лежат на каменных подиумах, а те, которые без них, почти вросли в землю; практически на каждой есть эпитафии (на немецком языке). Могилы пермских немцев (и не ставших пермскими) встречаются и на других участках некрополя. На краешке польского участка, у самой тропы привлекает внимание каменный крест больших размеров (надломленный): здесь упокоилась Наталья Карловна фон Глен (скончалась 23 ноября 1903 года). Неподалеку (в квартале Зеленина) похоронен инженер-лесовод Александр Юльевич Рихтер (скончался в 1934 году), чета Рихтеров - у стен Успенской церкви...

Видный ученый-гистолог, зоолог Шмидт Виктор Карлович (1865-1932) был ректором Пермского университета в 20-е годы, организатором естественно-научного института при ПГУ, депутатом горсовета (II).

В середине этого века появился скромный железный крест с надписью на немецком языке: "Hier Ruht Adam Illener 27-49" - "Здесь покоится Адам Иллениер" (НК). Такая же надпись на немецком - на памятнике Marianna Wanner (1869-1956, СК). У доктора Карла Земсдорфа (1883-1929) - бетонное надгробие с надписью на двух языках (VII).

Помимо мраморных плит известных пермяков, есть и совсем неизвестные надгробия. На одном написано: "Меринг Эдуард, иностранец" (1819-1858). Иностранец - и точка... (III).

Польское (католическое) кладбище - "Цментарж". При входе на этот участок мне всегда вспоминается одна забытая могила в Литве, на погосте Пажайслийского монастыря под Каунасом. Там, в окружении надгробий, склепов польских и литовских знатных людей стоит и каменное надгробие Алексея Федоровича Львова, "композитора народного гимна "Боже, царя храни" (так гласит надпись на надгробии). Вот где нашел свой конец 72-летний музыкант, действительный тайный советник, - в имении дочери, на самой окраине империи. (Почему там - станет понятно, если вспомним, что в Литве многие храмы в XIX веке, начиная с царствования Николая I, насильственно преобразовывались в православные.) Брат Львова, Николай Федорович, жил в Перми, служил председателем Пермской казенной палаты (до 1853 г.)

Таким же осколком, напоминанием о необъятной царской империи, свидетельством тирании властей, крушения судеб и одновременно красоты и величия свобододлюбивых гордых душ воспринимается в далекой Перми, на краешке Европы тихий, самый ухоженный польский участок кладбища (порядок здесь наведен недавно благодаря стараниям членов Пермского общества польской культуры и настоятеля костела отца Анджея). Этот островок памяти возник в связи с тем, что после подавления польских национальных восстаний 1830 и 1863 годов на Урале стали появляться ссыльные бунтовщики. Хотя поляки среди пермяков жили уже в конце XVIII века, но отряд местной интеллигенции заметно пополнился после восстаний. Бунтари - бунтарями, но в Перми им были предоставлены возможности для работы, карьеры, продолжения рода и - ассимиляции.

На обширном участке возле лога, отделяющего Старое кладбище от Нового, в разные годы упокоились чиновники, врачи, преподаватели, инженеры, музыканты, артисты, зодчие.

Воропай Игнацы (скончался в 1908 году), губернский землемер, был избран синдиком (старостой) католической общины, а также членом Пермского статистического комитета. Игнатий Михайлович изучал историю Пермского края, выступал с докладами в музее и Уральском обществе любителей естествознания; одна из тем его научных изысканий: "Истребление рыбы в Каме" (уже тогда это было актуально!). Рядом покоится его жена Юлия, умершая на 10 лет раньше мужа.

В свое время синдиком местных католиков избирался и Шеткевич Казимир (скончался в 1869 году 69 лет), действительный статский советник. А еще он был гласным уездного земского собрания.

Манковски Станислав (скончался в 1878 году) и Бронислав (скончался в 1895 году). Есть сведения, что один из них был искусным садовником, в этом качестве его пригласил на службу пермский губернатор; в частности, дело его рук - сад в Мотовилихе с роскошной в прошлом оранжереей (ныне сад имени Свердлова); возможно, и сквер Декабристов, что перед тюрьмой в Разгуляе, разбит Манковским.

Окинчиц Людвиг Фаддеевич (умер в 1909 году), губернский врач, член статистического комитета. Родился он уже на Пермской земле в 1875 году в селе Суксун, несколько лет служил врачом Суксунских заводов. Восемь лет обучался в Пермской мужской гимназии, об этом периоде сохранился такой отзыв: "Сын дворянина, вероисповедания лютеранского, поведения отличного" (цитируется по книге А. Зверева "Десять лет Пермской гимназии..."); после чего учился в Санкт-Петербургской военно-медицинской академии, этот факт свидетельствует о том, что никаких цензов, ограничений для подданных польского происхождения практически не существовало уже к концу века. Рядом - могилка Владислава Окинчица, тоже врача (скончался в 1891 году).

Врачом служил и Янчевский Здислав, он мало пожил на белом свете, скончавшись в 1872 году от чахотки - болезни, которая чаще всего и сводила чужеземцев в могилу: к суровым уральским условиям ссыльные привыкали с большим трудом, многие не выдерживали испытаний.

Обратим внимание на то, что на польском кладбище немало детских надгробий. Вот одно из них - белый каменный крест: гимназистка Ядвига Избицкая (умерла в 1897 году, прожив 12 лет); под этим же памятником покоится прах отца девочки, Петра, жизнь которого также оказалась короткой.

Есть на цментарже и общий памятник, какие ставят на братских могилах, - всем ссыльным, сгинувшим в чужих краях. Восстановлен он был в 1973 году. Можно считать, что это памятник и тем полякам, могилы которых уже не смогли мы найти на Егошихинском кладбище. Как это ни странно, но среди них и такие пермские знаменитости, как зодчие Р. И. Карвовский (1830-1896) и А. Б. Турчевич-Глумов (умер 30 декабря 1909 года 54 лет).

Однако не все в этом смысле так безнадежно, о чем свидетельствует находка краеведов, случившаяся в 2001 году. Мы знаем теперь, где похоронен просветитель Юзеф Пиотровский (Петровский) (1840-1923), многолетний казначей научно-промышленного музея, открывший вместе с женой Ольгой Платоновной в 1876 году первый в Перми книжный магазин, о чем свидетельствует мемориальная доска на здании по ул. Сибирской (ныне здесь гастроном). Семейный участок Петровских находится неподалеку от Всехсвятской церкви, в одной оградке находятся и могилы матери жены просветителя, Пелагеи Степановны Пушиной, и Миши Петровского, одного из приемных детей, умершего 14-летним; здесь же - могилка жены коллежского секретаря Александры Домбровской, похороненной вместе с дочерью Леночкой под одной плитой. (Один из членов этого рода, В. Домбровский, стал художником, в фондах Пермского краеведческого музея есть выполненный им "Портрет Ф. Г. Каменского").

В дни акции "Общая память" (осень 2001) членами Пермского центра польской культуры и католической общины были восстановлены кресты супругов Петровских и их сына, отреставрирована оградка.

Поляки покоятся и на других участках старинного некрополя. У самой ограды Всехсвятской церкви - памятник семьи барона Медем, неподалеку - большой каменный крест с изображением лирой - это надгробие скрипача, дирижера и педагога Людвиг (Людовика) Винярского (скончался 25 февраля 1901 года). "Русская музыкальная газета" писала, уже после его смерти, что "во времена Винярского летние сезоны в Перми по репертуару приближались к Павловским концертам времен Штраусса" (так писалась в те времена фамилия знаменитого музыканта). В летописи В. С. Верховланцева еще

сообщается, что "умер он сравнительно молодым, вследствие ушиба в молодости покойный страдал физическим недостатком - горбами спереди и сзади".

В фондах областной библиотеки имени Горького недавно были обнаружены архивные материалы и музыкальные сочинения, посвященные Л. Винярскому. Пермские музыканты намерены дать им "вторую жизнь".

И как тут не вспомнить другого музыканта и отпрыска польско-русского рода, посланного Перми (если можно так сказать о бывшем лагернике) полвека спустя после Винярского, - Генриха Романовича Терпиловского, одного из основателей отечественного джаза, которого называли иногда "пермским Дон Кихотом", - не столько за высокий рост, сколько за характер (похоронен на Южном кладбище). Что удивительно, на Новом кладбище (за обелиском Сафронова) похоронен еще один Терпиловский - Михаил Александрович, человек, судя по эпитафии, не менее трудной судьбы. На памятнике-аналогично начертано: "Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные и аз упокою вы", а с другой стороны - стихи. Начинаются они так: "Много горя, мученья, много боли, терпенья ты, Мишуха, родной перенес..." (VII).

Семейный участок Нагородских (возле Успенской церкви) состоит из трех каменных надгробий: отца, матери и сына, подпоручика-артиллериста, который погиб в 23 года в 1896 году.

"Шляхетское" происхождение отмечалось местными летописцами также у ряда других пермяков. Три черных креста, стоящие близко друг от друга, похожи на памятник "Три брата", установленный в Вильнюсе (когда-то бывшем польским городом Вильно), на высокой горе. Д. Блажевич (скончался в 1908 году 59 лет), на его надгробном камне есть надпись по-русски: "Вечная память от брата и от общества рабочих казенного винного завода". Справа - еще два чугунных креста на каменном основании, надпись на одном из них разобрать невозможно, на другом надгробии, И. Тажевич (скончался в "gudnje" - декабре 1914 года), есть изображение гусяного пера.

Неподалеку похоронены литовцы, отец и дочь Вайчунасы - Франц Венедиктович (1875-1940) и Ольга Францевна (1927-1948). На Старом кладбище есть надгробие литовки Доры Кутрявичене (скончалась в 1915 году 77 лет) с эпитафией: "Мое тело после перенесенных бедствий исчезнет, моя душа радуется дружбе с избранными".

Из Вильно приехали в Пермь и предки композитора Д. Д. Шостаковича. Прадед его, Петр Михайлович, вместе с женой Маргаритой Ясинской был выслан за революционную деятельность. Он и похоронен здесь. В Перми в 1845 году родился Болеслав Шостакович, дед Дмитрия Дмитриевича...

Самое "намоленное" место в данном секторе - могилка, где покоится Шостаковский Антоний (скончался в 1871 году), человек, который проводил в последний путь многих из захороненных здесь. Он был ксендзом. Это по его инициативе в первую очередь появился на Пермской земле костел, до открытия которого о. Антоний не дожил четыре года. В советские годы, когда костел был передан властями под другие цели, местные католики приходили молиться сюда - к надгробию первого ксендза...

Мусульманское (татарское) кладбище - "Зирэт". Оно занимает самую обширную часть территории некрополя на новом кладбище, ближе к Егошихе. И это самый запущенный участок, здесь уже немало безымянных памятников, оставшихся без присмотра.

Неподалеку от асфальтовой дорожки сохранился большой семейный участок с полуразрушенной оградой. На каменной плите - красивая вязь букв, из надписи по-татарски узнаем, что здесь покоится купец Абдулла Мухутдинов - сын муллы Абдул Фаттаха (скончался в 1901 году). Смысл эпитафии можно передать так: "Поклонитесь, живущие, тем, кто верил в Коран, свет Всевышнего да будет вам всегда. Приходите на мою могилу, молитесь за мою душу. Вспоминайте, думайте, это и есть конец жизни". В соседней оградке сохранилась небольшая каменная плита с полумесяцем, надпись гласит: "Здесь лежит девица Разия, дочь Хусейна" (скончалась в 1907 году). Она тоже из рода предпринимателей.

Каменный обелиск, весь исписанный красивой словесной вязью, - на могиле Мухаммеда Фаттаха, сына Мухамеда Керима (скончался в 1912 году). Где-то недалеко похоронены и представители торгового рода Тимкиных. Фирма "Тимкин с сыновьями" торговала тканями, пряжей, бумажными товарами. Купцы Тимкины разных поколений не раз избирались гласными городской Думы, были членами мусульманского благотворительного и просветительского общества. По сведениям краеведа Е. А. Спешиловой, династия Тимкиных известна в Перми с 1865 года.

Семейный участок Сабиржана Садриева, торговавшего бакалейным, колониальным товаром, находится неподалеку от захоронения членов семьи другого видного купца - Зиганьши Ибатуллина. Он был и председателем упомянутого благотворительного общества, которое располагалось в принадлежавших этому купцу двух домах по Осинскому переулку, возле мечети. Ибатуллин торговал галантерейными товарами, мануфактурой и "офицерскими вещами", он также не раз избирался в Думу.

В Пермском госархиве сохранился план "магометанского кладбища за речкою Стикс" по состоянию на 1912 год. Площадь его стала тогда такой: 1 десятина 2060 сажень. В сопроводительной записке поясняется, что измерение существующего кладбища и дополнительная прирезка к нему городской земли с постановкой граничных (так в тексте. - Ред.) знаков-столбов проведены по заявлению уполномоченного магометанского общества Ибатуллина от 8 мая 1911 года. Составил план "по натуральному показанию магнитной стрелки" городской землемер И. И. Ткаль - между прочим, представитель пермских поляков (ГАПО, ф. 35, оп. 1, д. 164).

На территории мусульманского квартала покоится немало переселенцев из других краев России, прежде всего из Татарстана. За могилкой своего брата Ирката Минкаева (1941-1947) ежегодно ухаживает Леонид Минкаев. На памятнике брату, умершему от недоедания вскоре после переезда в Пермь (железная пирамидка, возле гаражей), ему приходилось уже не раз восстанавливать сверкающий серпик полумесяца. По традиции мусульмане надписи делали на арабском языке, памятники венчали изображения полумесяца, иногда со звездой.

Исключение составляет каменный обелиск, без всяких национальных отличий, Герою Советского Союза полковнику Зиновию (Зинатулле) Генатуллиевичу Исхакову (1908-1958). В войну он командовал гвардейским воздушно-десантным полком, освобождал от фашистов Румынию, Венгрию, Чехословакию, участвовал в разгроме Квантунской армии на востоке. Лихой был воин, судя по его наградам и воспоминаниям сослуживцев. После войны короткое время командовал военным училищем. В могилу сошел рано, помимо последствий войны подкосила героя семейная трагедия: дочка Неля умерла в 15 лет, после ее ухода отец прожил недолго, они и похоронены рядом, в одной оградке (IX).

С частью территории татарского кладбища, увы, связаны не только славные страницы трудовых и боевых биографий наших земляков, но и мрачные воспоминания старожилов о "слоеном пироге": захоронениях жертв массовых репрессий 30-х годов (закапывали вторым слоем). Причем к этому месту советские власти присматривались еще в начале 30-х, когда подбирали площадь для будущего зоосада, уже даже было принято решение об отводе места "на территории магометанского и военного кладбища" (подробнее об этой трагической истории смотрите ниже).

Иудейское кладбище - "бейт кворот". Из национальных кладбищ это - самое "молодое". Пермь привычно называют его еврейским, и так-то, наверное, точнее, поскольку на данном участке покоится больше атеистов, чем иудеев. С центральной дорожки, идущей от Успенской церкви к Егошихинскому оврагу, это место смотрится на провинциальном кладбище таким небоскребным "Нью-Йорком", из-за высоких и массивных, теснящихся на малом участке надгробий. Кладбище это возникло в 40-е годы XIX века, когда в городе появилась иудейская община. Всех духовных лиц, раввинов хоронили здесь. Неподалеку, впрочем, покоятся и бывшие кантонисты (еврейские дети, отслужившие затем 25 лет в армии) и их потомки, принявшие православие. Купцы, нотариусы, врачи, аптекари, повитухи, инженеры...

Еще в начале XIX века евреев среди пермских жителей не отмечается. Н. С. Попов в фундаментальном "Хозяйственном описании Пермской губернии..." пишет: "Для торговли приезжают сюда иногда итальянцы, цесарцы (так называли чехов и венгров - В. Г.), немцы, евреи с галантерейными вещами, шелковыми и другими модными и мелочными товарами, также с часами, картинками и проч. ...". В "Памятной книжке Пермской губернии..." на 1863 год приводится такая цифра: в Перми жителей "еврейского вероисповедания" - 142 мужчины и 52 женщины.

Раввин Леон Рафаилович Линденбротен (1855-1910) по профессии был провизором. А Симон Исакович Друсвятский, служивший раввином в 1891-1894 годах, - инженером-химиком. Семья духовного раввина Дона Шустефа (скончался в 1943 году) приехала в Пермь из Литвы в 1916 году. Сын его станет врачом (похоронен здесь же, на Егошихинском), а внук - ныне здравствующий известный архитектор М. Футлик.

Когда умер 60-летний духовный раввин Мазо (18 мая 1913 года), то, как писал летописец, "в знак траура все еврейские магазины и мастерские были закрыты, умерший пользовался большим авторитетом среди еврейского населения".

Мануил Зальцман (умер в 1908 году) участвовал в строительстве железной дороги Пермь - Екатеринбург. Другой инженер-путеец Юлиан Бак строил участок дороги Пермь - Котлас. Исаак Хенах (скончалась в июне 1891 года) служил машинистом Пермь-Уральской железной дороги, как явствует из надписи на каменном "аналое".

Здесь нашли свой вечный приют врачи Фишман, Шнейдер, Беккер, заслуженный врач РСФСР Лазарь Матвеевич Динабург... Особняком в их ряду смотрится личность М. Я. Бруштейн (1857-1941). Одна из первых женщин-врачей (закончила высшие Петербургские врачебные курсы), она активно занималась революционной работой, в пермском охранном отделении числилась как "личность неблагонадежная"; входила в состав оргбюро Пермского Союза медико-санитарных работников.

Вплоть до советских лет на этом участке кладбища стояла сторожка. Теперь многие памятники уже без присмотра, по известным причинам: родственники или умерли, или перебрались на землю предков. "Душа его будет спать спокойно, ибо потомство

унаследует Землю Израиля" - такую эпитафию для своего почившего отца послал почтой из пермского политлагеря бывший отказник (то есть получивший отказ на просьбу о выезде на историческую родину), диссидент Анатолий (Натан) Щаранский, ставший позже министром в израильском правительстве. Для эпитафии он использовал цитату из Псалмов Давида, как видим, мысль эта имела глубокое значение и для многих пермяков, возможно, потомков тех самых бедных детей кантонистов, о чем писал еще Герцен в "Былом и думах".

На этом кусочке провинциального кладбища встречаем немало звучных фамилий. В. Д. Чацкий (1894-1959), Пильняк Сарра Яковлевна (скончалась в 1913 году) и даже Свердлов Соломон Григорьевич (1906-1946) с надписью: "Память от жены, братьев, сестер и их детей"... А почти на краю оврага, над шумящей внизу Егошихой стоит скромный памятник, на каменной "подушке" которого начертано: "Немец Залман Гамшевич" (1890-1950)...

Что касается еврейских погромов, то их в Перми никогда не было, это отмечают и историки пермской иудейской общины. В октябре 17-го Пермь сотрясали солдатские беспорядки, но цели их были гораздо более "широкие", если так можно выразиться, то есть направленные не против одной национальности.

Правда, в конце 1980-х появились на кладбище "искатели золота". Дикая картина напоминает об этом случае: раскопанная могила.

Между тем, старая Пермь всегда отличалась терпимостью в национальном вопросе. Вот нелишнее тому подтверждение. У стен Всехсвятского храма, в оградке - то есть на почетном месте - сохранилось надгробие, под которым упокоился врач Фришман Василий Карлович (1835-1911).

Ученое сословие: Мемориальные памятники Егошихинского некрополя дают нам возможность восстановить интереснейшие страницы отечественной науки и прежде всего - историю создания и развития первого на Урале университета. Пермский вуз появился осенью 1916 года, сначала - как отделение Петроградского университета. На кладбище похоронены многие из тех, кто стоял у истоков его, это и первые профессора, доценты, и один из первых ректоров. Это и основатели научных школ, направлений, высококлассные специалисты и педагоги, в том числе и те, кто закладывал основы медицинского, сельскохозяйственного и педагогического факультетов, отпочковавшихся в 1930 году от Пермского государственного университета и ставших самостоятельными вузами. Со временем возле Успенской церкви образовался медицинский квартал, где покоятся видные деятели науки, ученые и целители.

Варгин Владимир Николаевич (1866-1936) - выдающийся деятель агрономии, до Октябрьской революции - губернский агроном, чьи работы и опыты произвели впечатление на приезжавших в 1910 году в Пермь председателя Совета министров П. А. Столыпина и главноуправляющего земледелием А. В. Кривошеина. Зачинатель химизации сельского хозяйства, пропагандист минеральных удобрений, организатор высшего сельскохозяйственного образования на Урале, профессор, Герой труда РСФСР (III).

Зубарев Борис Иннокентьевич (1875-1952) - профессор, доктор физико-математических наук, сотрудник изобретателя радио А. С. Попова (XII).

Коновалов Николай Александрович (1884-1942) - профессор, руководитель первого психологического кабинета педагогического факультета университета (III).

Крюгер Валерий Августович (1889-1958) - профессор, геоботаник, эколог; вместе с А. А. Генкелем, М. М. Даниловой составил карту растительности Пермской области (II).

Обнорский Николай Петрович (1873-1949) - один из первых сотрудников университета, энциклопедист, создавал фундаментальную библиотеку; брат известного академика (могила у южной стены Успенской церкви).

Парин Василий Николаевич (1877-1947) - профессор, заслуженный деятель науки Удмуртской АССР, основатель школы хирургов на Урале. Многолетний председатель Пермского научного общества, основатель первого в Перми медицинского журнала. В годы войны - главный хирург эвакогоспиталей Пермской (Молотовской) области. Рядом покоится жена (III).

Первушин Всеволод Прокопьевич (1869-1954) - профессор-невропатолог, основатель клиники нервных болезней, общественный деятель. Первушин, в частности, впервые описал заболевание нервной системы, получившее название "весенне-летний клещевой энцефалит". Первушины приходились родственниками В. И. Ленину. В одной оградке похоронен и профессор Первушин-младший: Юрий Всеволодович умер в 59-летнем возрасте, пережив отца всего на два года. В истории Перми осталось также имя Л. В. Первушиной, много лет бывшей начальницей женского епархиального училища (III).

Пичугин Павел Иванович (1876-1954) - профессор, создатель первой на Урале детской клиники; участвовал в русско-японской войне ординатором госпиталя в Харбине. Рядом - могила жены, которая деятельно помогала в создании клиники (III).

Симонович Владимир Флавианович (1870-1929) - профессор-терапевт, основатель уральской школы кардиологов, один из организаторов медицинского факультета Пермского университета (III).

Сумбаев Петр Петрович (1892-1957) - один из первых ректоров Пермского медицинского института, до этого - руководитель военно-санитарной службы Красной Армии, один из авторов и редактор "Военно-санитарного справочника" (XI).

Таусон Анастасия Оттовна (1890-1953) - профессор, сотрудница Пермского университета первых лет, одна из первых женщин докторов наук в СССР, основательница уральской школы гидробиологии (XIII).

Шмидт Виктор Карлович (1865-1932) - профессор, ректор Пермского университета (шестой по счету, тогда они менялись фактически через год), в 20-м году возглавил кафедру гистологии и эмбриологии (II).

Флейшер Глеб Владимирович (1873-1930) - профессор, в начале 20-х заведовал кафедрой кожных и венерических заболеваний (III).

Хребтов Аристоклий Александрович (1876-1944) - профессор. Этот "агроном-орденоносец" (так указано и на надгробии) с редким аристократическим именем выявил немало новых для Прикамья растений, вместе со своими студентами провел полный учет видов сорняков Уральской зоны (памятник у изгороди Всехсвятской церкви).

Чистяков Павел Иванович (1867-1959) - профессор, возглавивший в 20-е годы кафедру глазных болезней, заслуженный деятель науки РСФСР, общественный деятель. (В годы советской власти это означало, как правило, депутатство.) Клиника глазных

болезней областной больницы, где он проработал с 1923 года и до самой кончины, носит его имя (III).

Чирвинский Петр Николаевич (1880-1955) - доктор геолого-минералогических наук, профессор, петрограф (петрография - наука о составе и происхождении горных пород), один из основоположников метеоритоведения, чьи работы приобрели особое значение в связи с началом освоения космоса. Его диссертация на степень магистра минералогии (еще в 1912 году) по представлению академика А. П. Карпинского была удостоена Ломоносовской премии Академии наук СССР. Дипломная работа Чирвинского 1902 года переиздана издательством "Наука" в 1991 году. Он первым вычислил средний химический состав Земли в атомном выражении. Его также считают родоначальником советской школы снеговедения (XIII).

От творцов истории *alma mater* первых десятилетий перейдем к другим деятелям науки, докторам, преподавателям.

Астраханова Анна Ивановна (1880- 1950) - заслуженный врач РСФСР (III).

Бажановы - самая известная пермская династия врачей, старший, Михаил Иванович, был участником русско-турецкой войны (семейный участок в оградке Всехсвятской церкви).

Башлыков Иван Иванович (1903- 1956) - профессор, доктор биологических наук (XI).

Важинский Владимир Конастантинович (1876-1945) - профессор (X).

Залкинд Эмиль Моисеевич (1898- 1948) - заслуженный деятель науки, профессор-психиатр (III).

Замятин Г. А. (1882-1953) - доктор исторических наук, профессор (XIII).

Захаров Иван Михайлович (1885-1958) - профессор, кандидат филологических наук (был доктором наук, но, по воспоминаниям его учеников, был "разжалован" как последователь раскритикованного Сталиным лингвиста Н. Марра) (III).

Иерусалимский Павел Иванович (1896-1958) - профессор, доктор медицинских наук, учился у В. П. Первушина (X).

Ковалева Е. П. (1896-1953) - заслуженный врач РСФСР (X).

Коза Михаил Андреевич (1895-1955) - профессор, основатель уральской школы патологоанатомов (III).

Ланков Александр Васильевич (1884-1953) - профессор, автор первой методики преподавания математики (XIII).

Мельников Фома Ефимович (1906- 1948) - кандидат исторических наук (XI).

Меньшиков М. И. (1900-1952) - профессор, доктор биологических наук, основатель пермской школы ихтиологов (XIII).

Панаев Федор Николаевич (1856- 1933) - климатолог, педагог, его могилка находится возле семейного склепа брата Василия Николаевича (XII).

Печеркин А. А. (1896-1947) - профессор, видный геолог (III).

Пономарев Александр Яковлевич - первый врач-психиатр приюта для душевнобольных, статский советник (скончался 8 ноября 1904 года 62 лет). В летописи В. Верхоланцева о нем сказано: "Покойный один из первых в России применил в деле лечения занятие душевно-больных (тогда писали через дефис) ручным трудом, организовал для них ремесленные мастерские. По его инициативе устроена была земледельческая колония на Липовой горе"; для больных даже проводились "музыкально-вокально-танцевальные вечера" (XI).

Райхер Борис Иосифович (1910-1956) - профессор, доктор медицинских наук, лауреат Сталинской премии, полученной им вместе с профессором А. В. Пшеничным за разработку вакцины против сыпного тифа (XI).

Сидорова Анна Петровна (1915-1958) - доцент ПГУ, кандидат географических наук (III).

Скульский Николай Арсеньевич - профессор (III).

Сборовская Евдокия Семеновна (скончалась в 1953 году в возрасте 74 лет) - заслуженный врач РСФСР, психиатр, с дореволюционных лет пользовавшая, как говаривали в старину, больных духом в Пермской психолечебнице, участница русско-японской войны. Рядом похоронен ее муж инженер, выпускник Санкт-Петербургского горного института А. А. Сборовский, умер молодым в 1911 году от чахотки (XI).

Степанов Николай Михайлович (1896-1960) - профессор, внесший заметный вклад в развитие отечественной пластической хирургии; учился у В. Н. Парина (VIII).

Хлопин Николай Яковлевич (1882-1962) - профессор, доктор химических наук (III).

Юдин Вениамин Гаврилович (1864-1943) - врач, Герой труда РСФСР (III). ...Этого же звания - Герой труда РСФСР - была удостоена Людмила Рейнгольдовна Кадмова, фельдшерница, проработавшая в областной больнице более 50 лет (похоронена на Егошихинском). В музее пермской медицины хранятся материалы, из которых можно узнать, что Кадмова была удостоена этого звания в числе первых советских медицинских работников среднего звена.

В дореволюционное время подобного звания не существовало, но народ и без этого выделял и почитал своих любимцев. Самой широкой известностью, искренней любовью пользовались в старой Перми два врача, о которых часто вспоминают и поныне.

Серебренников Павел Николаевич (1849-1917) - как и В. Н. Шишонко, посвятил свою жизнь двум музам. Доктор медицины, он был и в числе основателей Пермского краеведческого музея. Его называли еще "дедушкой пермского прогресса", а иной раз - "вторым доктором Гаазом". Это Серебренников "пробил" в дягилевском журнале "Мир искусства" обращение "ко всем пермякам, и всем, кому дорога история Родины, пожертвовать имеющиеся у них материалы в Пермский музей". Помимо всего доктор любил музыку, хорошо пел, в Богородицкой приходской школе был даже зал имени П. Н. Серебренникова (сейчас его восстанавливают). Скромный типовой памятник "печальнику

всех обездоленных" находится на перекрестке у тропы, ведущей от Успенской церкви к Всехсвятской. Рядом - крест на могиле его жены (второй) Александры Степановны (IX).

В соседнем квартале - могила первой жены Павла Николаевича - врача Евгении Павловны Серебренниковой. Она прожила всего 43 года (умерла в 1897 году от опухоли мозга), но память о себе оставила замечательную. При ее участии было открыто училище для слепых (ныне школа № 22), в последние годы она заявила о себе особенной деятельностью и на поприще благотворительности. Сотни пермяков провожали ее на место упокоения. Впоследствии в Перми и Петербурге был издан сборник ее памяти. Рядом с памятником Е. П., словно прислонившись к каменному "древу", стоит железный крест Эротиды Федоровны Солониной, матери врача (X).

Нельзя забыть и могилы представителей многочисленной технической интеллигенции Перми, которые служили своему делу, народу, активно творили, создавали славу родному городу, как центру интеллектуального поиска на Урале.

Башкевич Владимир Михайлович - бывший управляющий и конструктор проката Лысьвенского завода, мотовилихинский инженер, разносторонне одаренный человек (скончался 17 января 1903 года). Памятник - "от сослуживцев Лысьвенского завода" (XI).

Бернштейн Ананий Самсонович - инженер-технолог (ИК).

Гладышев Михаил Михайлович (1861(?) - 1929) - инженер-механик, управляющий заводами братьев Каменских, гласный Пермской Думы (III).

Глушков Н. И. (1840-1883) - инженер-технолог (VIII).

Овчинников Михаил Петрович (1894-1931) - "инициатор и первый директор Пермского судостроительного завода" (надпись на памятнике), организатор строительства пермского трамвая, председатель двух горсоветов (XI).

Помыткин Василий Григорьевич (скончался в 1909 году) - сотрудник Суксунского завода (IV).

Соломин Федор Васильевич (скончался в 1898 году 49 лет) - из эпитафии: "Тюменского путейского ведомства командир" (VI).

Суворов Н. И. (1908-1957) - горный инженер; памятник поставлен "от родных и коллектива Кизеловского рудоремонтного завода комбината Молотовуголь" (VI).

Отдавшие жизни при исполнении служебного долга:

Начать этот рассказ, конечно, лучше всего у саркофага участника Отечественной войны, командира Ширванского полка майора Теплова Николая Афанасьевича. Герой Бородинского сражения прибыл на излечение в Пермь потому, что отсюда была родом его жена. Но попечение врачей военного госпиталя не спасло: 27 октября 1813 года Теплов скончался, не оставив после себя потомства, но оставив славную память.

В представлении его к награждению орденом Св. Анны 2-го класса за Бородино генерал от инфантерии Милорадович писал на имя Кутузова: "...Во весь день сражения с полком в первой линии под сильным с неприятельских батарей огнем, и штурме на Кургане батареи нашей - с отменной храбростью, ободряя всех подчиненных, ударил с

полком в штыки на наступающего неприятеля и тем обратил его в бегство". Чугунный саркофаг на могиле героя возле Успенской церкви выполнен по рисунку известного русского архитектора Ивана Свиязева, поставлен в 1839 году.

Как мы видим, история провинциального кладбища, расположенного, казалось бы, в глубоком тылу, в тихой Перми, хранит, однако, мемориальные свидетельства общности судеб местных жителей с судьбой огромной России. Недалеко от майора Теплова "голгофа" полковнику Стицыну Афиногену Борисовичу (1819-1889) с эпитафией.

О том, как достойно умели уходить из жизни генералы старой закалки, из тех, кто "слуга царю, отец солдату", с нескрываемой симпатией писал Михаил Осоргин. Примером для него послужил генерал-лейтенант Баранов Алексей Евстафьевич, командир Пермской бригады, скончался 22 декабря 1905 года (небольшое надгробие без креста в оградке Всехсвятской церкви). У той же церкви по другую сторону стоит "голгофа" на могиле полковника артиллерии Николая Назаренко (1831-1881), в последние годы жизни - старшего приемщика полевой артиллерии при Пермском пушечном заводе.

Вот еще одна могилка, напоминающая уже о русско-японской войне, бесславно проигранной царским самодержавием, но не народом. В квартале Винярского, у Всехсвятской церкви, есть каменный обелиск, на котором написано: "Александр Ильич Гладышев, моряк, унтер-офицер, скончался 23 января 1904 года. Мир праху твоему". Еще один участник той же войны - Бородулин Севастьян Романович (1877-1938). Это последний выживший матрос с парохода "Громобой", потопленного в Цусимском сражении; рядом похоронена дочь Валентина, педагог, умерла от тифа в годы войны.

На кладбище можно обнаружить свидетельства, напоминания о всех крупных и малых военных кампаниях и войнах, которые вела Россия. Возле Успенской церкви хоронили героев Плевны, участников русско-турецкой войны.

Когда началась Первая мировая война, именно здесь, "над Ягошихинским логом" отвели место под "братское кладбище воинов, павших в Великой Европейской войне". Отвод места (350 кв. сажень) производился городской управой "вследствие отношения Александровского комитета о раненых от 26 сентября 1914 года и Высочайше одобренного" (ГАПО, ф. 716, оп. 3, д. 46).

Было и соответствующее постановление Пермской городской Думы от 12 ноября 1914 года, которая, "сочувствуя вообще идее увековечения памяти жертв настоящей войны, по баллотировке единогласно постановила: избрать местом для устройства братского кладбища для погребения как умирающих от ран в лазаретах г. Перми, так и привозимых с театра войны павших в бою или умерших в других госпиталях, существующее в Перми военное кладбище...". Имеется в виду та часть Нового Ягошихинского кладбища, которая теперь почти вся уничтожена. Судя по плану кладбища, на данном участке была поставлена и часовня. Место, судя по всему, было выбрано не случайно: здесь и раньше хоронили военных, сохранились и надгробия бывших кантонистов (XII).

Не сохранилось надгробие на могиле участника Крымской войны, героической обороны Севастополя: у Всехсвятского храма покоится Константин Михайлович Ильинский (1833-1904). Потомки намерены поставить ему памятник в том же месте, где он был похоронен.

Неподалеку похоронен Шереметьев Василий Петрович (1891-1935). Надпись: "Поручик, командир полка, участник германской и гражданской войн". Оригинальное металлическое надгробие серебристого цвета, навершие окрашено в цвета российского флага (триколор).

Георгиевский кавалер подпоручик Константин Калашников был убит в бою 21 августа 1916 года. Героя торжественно опустили в Пермскую землю (рядом покоится брат, X).

В двух шагах отсюда мы натываемся на памятник, с которого на нас смотрит молодое безусое лицо участника Курской битвы, это уже Великая Отечественная, - скончался от ран...

Воинское кладбище периода 1941-1945 годов появилось как братское: здесь покоятся воины, умершие от ран и болезней в пермских госпиталях в годы Великой Отечественной войны. Скромные однотипные надгробия на территории 0,6 га взяты на государственный учет в 1984 году. Как нередко бывает в подобных случаях, не обошлось без трагических ошибок: воинское кладбище "накрыло" несколько могил, за которыми еще следили, ухаживали родственники, получается, что их забыли предупредить, организовать перенос праха. Вскоре здесь был открыт памятник Скорбящей матери (скульптор Ю. Екубенко).

Герой Советского Союза Зинатулла Исаков (1908-1958) похоронен в квартале П. Н. Серебренникова (IX). Афанасий Иванович Балдин воевал летчиком. Вернулся весь израненный, умер в 1956 году, не дожив и до сорока (возле могилы З. Исакова). Гордзилевский Михаил Евграфович был летчиком (судя по фотографии), подпись: "Погиб в Варшаве" (крест в семейной оградке у изгороди Успенской церкви).

Это - застывшие отзвуки войны прошедшей. На аллее у Всехсвятской церкви есть, однако, памятник времен другой войны, называемой холодной, когда противостояние двух мировых систем едва не привело к планетарной катастрофе. Небольшой обелиск со звездой - Сергей Иванович Сафронов (1930-1960): "Погиб при выполнении боевой задачи". Многие годы об этом случае молчали, и неудивительно: Сафронов был сбит нашими же ракетчиками 1 мая 1960 года. В том самом нашумевшем "инциденте" с американским самолетом-шпионом Пауэрса, который долетел аж до Свердловска. Посмертно наш летчик был награжден орденом Красного Знамени. Неслучайно его бывшие товарищи, родные (вдова позже вышла замуж за его сослуживца, бывшего ведущим в том последнем бою) собираются на могилке 9 мая...

На значительном отдалении от Сафронова похоронены его друзья - военные летчики, погибшие при испытании новой техники. Это Скворцов Виктор Егорович (1929-4 августа 1961) и Глазков Виталий Яковлевич (1930-24 августа 1961). Рядом еще два обелиска: Колуков Михаил Евдокимович (1922-4 марта 1960), Костенко Александр Степанович (1932-4 марта 1960). Летали парой, на одной машине - и смерть принимали в один час...

По этим обелискам, по судьбам наших асов, в принципе, можно проследить историю становления советской реактивной авиации.

Летчик Жук (1920-1955) (XIII), подполковник Бесхлебный Семен Митрофанович (1915-1954) также не долетали, не дожили свое. Неподалеку похоронен и Владимир Александрович Шаврин (1938-1959) - техник, лейтенант авиации (V).

Бояршинов Иов Никитич - ветеран войны, трагически погиб в 1949 году. Капитан С. С. Голдобин также погиб вскоре после войны, в 1947 году, в возрасте 25 лет. Многие умирали от ран. В "профессорском" квартале (XIII) есть могила офицера Маневича Бориса Исаковича (1914-1954), надгробие типа "подушки" с фотографией и надписью: "Погиб при исполнении служебных обязанностей". И там же, в глубине Нового кладбища, на вас глянет с надгробия молодое лицо матроса Льва Калинина, погибшего в "мирные" 50-е годы при выполнении воинского долга.

А вот Чельшкин Иван Васильевич (1903-1946), участник войны, орденосец, погиб от руки бандитов, разгулявшихся в Перми.

Слева от входа во Всехсвятскую церковь, у тропы, ведущей к оврагу, стоит памятник "незабвенному сослуживцу товарищу и активному члену ВКП(б) Черных Семену Алексеевичу (1900-30 марта 1929) - от сотрудников Пермского адмтдела и Уголовного розыска". На памятнике есть несколько эпитафий, вот одна из них: "Инспектор уголовного розыска. Убит бандитами при исполнении служебных обязанностей. На могиле павшего товарища заявляем, что нам не страшны выстрелы классовых врагов и бандитов и что при каждом выпаде их мы не дадим им пощады и еще энергичнее будем защищать спокойствие и права трудящихся". На другой стороне памятника: "Славный муж и дорогой отец! Твоя трагическая смерть послужит нам примером честной работы за дело пролетариата. Мы помним о тебе, ты всегда в наших сердцах".

При исполнении своего долга умирали не только военные люди и не только от оружия.

Врач Белоруссов Владимир Владимирович умер от тифа, заразившись во время ликвидации эпидемии (X).

Шайдеров Иван Иванович - человек мирной профессии, машинист, - погиб при крушении поезда в 1910 году, ему было всего 43 года. Благодарное пермское общество отметило его жертвенность солидным надгробием.

Мария Степановна Накорякова (1902-1937) имела вполне мирную профессию - лаборанта, но погибла тоже при исполнении. Случилось это в Усть-Качке, где строился будущий курорт: она заменила молодую лаборантку (у которой в тот день была помолвка), спустилась в шахту брать пробы и задохнулась ядовитыми газами. Невеста, которую подменила Мария, спустилась вслед и тоже погибла (III).

Как вспоминают родственники певца пермского оперного театра Андрея Шарапова (похороненного на краю польского кладбища), он умер от разрыва сердца прямо во время выступления. Было ему тогда, в конце 1930-х, всего 33 года.

Немало примеров самопожертвования дали нам пермские врачи, учителя, священники. Не выходят на "заслуженный отдых" такие люди, как протоиерей Иоанн Будрин, прослуживший при Новокладбищенской церкви более 40 лет, до самой своей кончины. Как Петр Михайлович Горюнов (1899-1942) - этот уже из поколения безбожников, депутат Верховного Совета СССР, бывший первым председателем исполкома Пермского областного совета депутатов трудящихся (после выделения Пермской области из состава Свердловской)...

Не знаю, совпадение ли, но памятник матери-героине Александре Ивановне Ждановой (1877-1956) представляет собой точно такой же обелиск, какой ставили летчикам, погибшим при выполнении боевого задания. Последняя честь отдана матери вполне заслуженно (XII).

На кладбище есть могилы и другим людям, различных профессий, возрастов, национальностей, отдавшим свои жизни на службе Отечеству. Их объединяло высокое чувство ответственности, способности к самопожертвованию. На карте некрополя эти могилы можно отметить знаками горящих сердец.

Деятели культуры, искусства, образования: На территории Пермского некрополя сохранилось немало мемориальных памятников эпохи. Здесь есть надгробия на могилах людей, которые определяли лицо культурной Перми XIX-XX веков. В их судьбах, в художественных образах надгробных памятников перед нами словно проходит сама судьба интеллигенции провинциального города на краешке Европы.

Судьба и "внешность" местных кладбищ способны отражать процесс формирования чувства "пермскости" на разных исторических этапах. В этом убеждают нас и землячества, создаваемые в разных городах и весях. Даже Иосиф Бродский: совсем не случайно в представлении поэта - Нобелевского лауреата - Сергей Дягилев является "гражданином Перми". Гражданин мира - и гражданин Перми...

Но это - если писать крупными мазками. А нас интересует и жизненный уклад, привычки, быт пермяков. Ведь зачастую одно небольшое надгробие маленького "человека в футляре" способно перевернуть наше представление о родном городе. В нем, как в капле воды, отражается история малой Родины, всей России.

Есть смысл начать с памятников тем, чья жизнь как-то пересекалась с судьбой и делом организатора знаменитых Русских сезонов, человека, которым по праву гордится Пермь. Это родственники и знакомые семьи Дягилевых, это люди, которые участвовали в музыкальном кружке, в театральных представлениях в "Пермских Афинах" (как называли иногда их гостеприимный дом), это художники, артисты, педагоги и, конечно, это литераторы, критики, в поле зрения которых попадали Дягилевские деяния.

Начнем с фамилии, которая также вписана в историю художественного развития России, - Сведомские. Судьба так распорядилась, что братья Павел и Александр Сведомские нашли свое последнее пристанище под небом солнечной гостеприимной Италии. (Недавно краеведу В. Дылдину удалось получить из Италии фотографию надгробия братьев-художников, сохранившегося на римском кладбище Тестаччо.) А их общие предки - здесь, на Егошихинском кладбище. Так уж случилось, что в один год, 1847-й, ушли из жизни Михаил Гаврилович Сведомский, двоюродный дед будущих художников братьев Павла и Александра (от которого им и перешел Михайловский винокурный завод на территории нынешнего Чайковского района), и жена его брата Павла Татьяна Дмитриевна Сведомская (урожденная Дягилева).

М. Г. Сведомский - личность замечательная, "человек любознательный, прекрасно образованный и предприимчивый" - так пишет о нем историк прошлого века. Сын священника Петропавловского собора, автора первой летописи Перми Гавриила Сапожникова (дети священника были переписаны в Сведомские), Михаил Гаврилович деятельно участвовал во многих комиссиях и комитетах, состоял членом Русского Императорского географического общества. Как сообщается в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, он первым стал устраивать городские училища, основал Ланкастерскую школу,

первым ввел паровую выделку поташа, усовершенствовал винокурение, улучшил коннозаводство, организовал первую выставку фабричных и сельскохозяйственных продуктов. На Егошихинском (Старом) кладбище перестроил церковь. О нем осталась слава как о крупном меценате и большом оригинале.

Если перейти через лог, на Новом кладбище, возле Всехсвятской церкви, найдем надгробия еще двух Сведомских, Василия Егоровича и Егора Филипповича. О последнем известно, что он скончался в 1908 году 80 лет от роду. Эти Сведомские жили по соседству с Дягиловыми, сохранились сведения, что отношения меж ними существовали дружеские. Был эпизод, когда Дягилевы поддержали соседа материально. А позже, когда уже Дягилевы переживали трудные времена (семья перебиралась из Перми в Санкт-Петербург), они останавливались на короткое время в доме мещан Сведомских, о чем есть упоминание в "Семейной записи о Дягиловых", оставленной потомкам Еленой Валерьяновной Дягиловой (Панаевой).

Семейное захоронение пермского рода Панаевых находится также на Новом кладбище. Несколько могил в ажурной усыпальнице, сплетенной из металлической проволоки. А у алтарной стены Всехсвятского храма есть чудное надгробие протоиерея и историка Пермской епархии Евгения Алексеевича Попова. Это тот самый Попов, который был очень близок с П. Д. Дягилевым, дедом будущего антрепренера, и защищал Павла Дмитриевича (тот много помогал не только театру, но и церкви) от нападков самого Николая Лескова. Защищал словом и делом, о чем и пишет (правда, с нескрываемой иронией) Лесков в своих "Мелочах архиерейской жизни".

Артисты. Так случилось, что в Перми завершилась блестящая карьера и жизнь четырех артистов балета знаменитой Мариинки (Кировского театра), оказавшихся на берегах Камы в эвакуации. На Новом кладбище были похоронены вскоре после приезда в Пермь участница дягилевских Русских сезонов Евгения Васильевна Лопухова (1884-21 августа 1943); заслуженный артист, балетмейстер, педагог Леонид Сергеевич Леонтьев (1885-1942); Ольга Петровна Мунгалова (1905-1942); заведующий балетной труппой Иванов. Надгробия этих артистов, к сожалению, утрачены...

Примерно в том же месте (точнее в той стороне, возле Всехсвятского храма), появилось много позже захоронение юного монгольского танцовщика Батбилека. Он учился в Пермском хореографическом училище, однажды пошел с ребятами купаться и утонул... Как тут, у скромной деревянной оградки, выкрашенной в голубой цвет, снова не вспомнить о Дягилеве, о его странной водобоязни. Какие превратности судьбы: юный Батбилек, как и Сергей Павлович, нашел свое последнее пристанище за тысячи километров от родного очага.

Возле Всехсвятского храма были похоронены также певец, замечательный бас А. А. Шидловский, певший вместе с Собиновым. Еще один бас (церковь любила басы, на них всегда был спрос!) - заслуженный артист РСФСР Михаил Григорьевич Шуйский (1883-1953) (XI). Через дорожку от него спит вечным сном другой солист пермской оперы Стефан Альбирт. Он - из первого послевоенного набора труппы, то есть сразу после отъезда ленинградцев (Кировского театра), а до поступления на сцену был еврейским кантором. Его прекрасный драматический тенор и вдохновенный облик (был похож, говорят, на Сергея Лемешева) памятен еще пермским опероманам (X).

С историей пермского оперного неразрывно связано и семейство Прозоровских - Демерт (деревянный крест, один на всех, напротив могилы врача Е. П. Серебренниковой): Максимилиан Демерт, Аполлон, Варвара, Танечка Прозоровские... Эта семья состояла в

родстве с другой известной пермской фамилией - Голынец. Бывший начальник Пермского отделения Министерства земледелия и государственных имуществ, действительный статский советник Иустин Яковлевич Голынец скончался 5 сентября 1908 года. А в 1909 году в Перми открылась частная гимназия его дочери, Александры Иустиновны Дрекслер-Голынец, заведение для девочек из малообеспеченных семей носило имя И. С. Тургенева.

В оградке Всехсвятского храма есть семейный участок "пермских итальянцев" Террачиано, чья судьба также тесно связана с нашей музыкальной историей. Но сейчас мы обнаружим здесь лишь деревянный крест на могилке Анны Николаевны Террачиано (1874-1946), рядом - фанерка, на которой имя Нины Горациевны Террачиано, певицы, педагога. Где-то поблизости находилась могилка еще одной оперной певицы и педагога, Марии Львовны Левитон (Василенко, 1856-1949), ученицы Полины Виардо. Учеба у знаменитости пошла молодой оперной диве впрок, кроме одного: Мария Львовна так и не смогла перенять "системы" оплаты уроков. Оказывается, Виардо не начинала урока, пока ей не положат золотой.

Самым ярким проявлением пермского беспамятства стал, наверное, случай с Городцовым, без преувеличения почетным или, не побоимся сказать, великим гражданином Перми. Знаменитый организатор народных хоров, дирижер, певец (у него был великолепный бас), педагог, издатель и борец за народную трезвость, Александр Дмитриевич Городцов двигал "грандиозно национальное дело", как написали современники. Умер он 12 октября 1918 года, на 62-м году жизни. Правление Дома народного просвещения постановило тогда "поставить его бюст в будущей народной консерватории". Но оказалось - не до Городцова. Бюст не поставили, одно время считалось, что и могила того, кем может всегда гордиться Пермская земля, утеряна. Однако с помощью сотрудников архива (ГАПО) место захоронения удалось обнаружить. Помогло свидетельство и фотофиксация места старожила Перми А. Г. Затопляева, так вот: похоронен Городцов слева от П. Н. Серебренникова, с которым он был, кстати, очень дружен, они умерли практически в одно время (X).

В этом смысле церковь расстаралась больше для простого своего поющего прихожанина: вот большая плита серого цвета, на которой лаконичная надпись: "Чтец и певец сей церкви Иван Иванович Осетров". У той же Всехсвятской церкви - могилка популярного артиста и режиссера Дмитрия Михайловича Озерова (скончался 20 ноября 1888 года) (VII).

Неподалеку - памятник режиссеру Пермского драматического театра Рославлеву Николаю Николаевичу (1907-1952). Это был представитель славного театрального рода, специалистам известно издание Б. А. Рославлева "Земский народный театр и подвижная условная сцена" (Оханск, 1915). До сих пор поклонники посещают могилу актрисы пермского драмтеатра Свительской Маргариты Федоровны (1919-1961), заслуженной артистки РСФСР, она была любимицей пермской публики (XII).

Солист театра оперы и балета Владимир Владимирович Калугин (1904-1956), как говорится, до пенсии не дожил... Долгожители среди актеров встречались довольно редко, что до революции, что после. На эту мысль наводят два надгробия, расположенные неподалеку. Возле Успенской церкви похоронен Владимир Евграфович Ильков, артист драматической труппы (скончался 10 ноября 1900 года 48 лет от роду). Жизнь Андрея Шарапова оборвалась в советские годы, перед войной, прямо во время спектакля. Было ему 33 года.

Художники, архитекторы. На Егошихинском можно проследить практически всю историю, за небольшими исключениями, развития художественного дела в Прикамье. В старину занятие искусством было, как правило, семейным делом, секреты ремесла, искусства передавались из поколения в поколение. Вот Бабины - династия пермских иконописцев, чьи работы хранятся в Пермской галерее. Известен факт, что один из них, И. В. Бабин, приходился дедом будущим живописцам братьям Верещагиным (по материнской линии) и был их первым наставником. Сохранилось каменное надгробие одного из потомков (XI).

Надгробие Петра Прокопьевича Верещагина (скончался в январе 1843 году), пермского живописца, отца известных русских художников, столпов академической школы, расположено в том же ряду, что и саркофаг участника Отечественной войны майора Теплова. В том же ряду - и по значимости, и по местоположению...

Еще один питомец Российской Академии художеств - Алексей Несторович Зеленин (1870-1944), живописец, педагог, статский советник, член совета Мариинской женской гимназии. На могилке его стоял "голубец", недавно ему поставлены новый памятник и оградка (стараниями племянницы и краеведа В. В. Семянникова). Зеленин получил образование при попечительстве пароходчиков Каменских. Он много работал для пермских храмов, Белогорского монастыря (иконы, росписи); Всехсвятской (Новокладбищенской) церкви художник передал "Богоматерь с младенцем", которую он писал для своей мастерской (VI).

В том же квартале, на краю оврага, в окружении католических и православных захоронений, расположены могилы представителей другой художественной фамилии - Кашиных. Церковный живописец Василий Петрович Кашин и неподалеку его жена Августа Алексеевна. На том же кладбище были преданы земле тела Петра Васильевича, зачинателя династии (скончался 19 июня 1906 года), и брата его Кесаря.

Мамаевы, семейный участок художников. По данным краеведа В. В. Семянникова, их было не меньше десяти. Работы А. Н. Мамаева хранятся в собрании Пермской галереи. На обороте одной из икон, "Митрополит Дмитрий Ростовский", есть надпись: "В дар Константиновской церковно-приходской школе при Градо-Пермской св. Троицкой церкви от бывшего члена попечительства Андрея Николаевича Мамаева" (в галерею поступило при закрытии этой церкви в 1933 году). Умер А. Н. Мамаев в 1911 году. В том же году скончался в Перми и его сын, Владимир, выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Он был уже больше жанристом (учился в мастерской В. Е. Маковского), в галерее есть его картина "Тяжелые думы" (III).

Могила художника, учителя пермских гимназий, организатора первой в Перми частной школы рисования, выпускника Академии художеств Африкана Шанина (скончался в 1911 году), не сохранилась. Но сохранились скромные надгробия родителей художника Исидора Ефимовича ("потомственный почетный гражданин помер в сентябре 1879 года 68 лет") и супруги его Марии. Две каменные "голкофы" стоят у самой асфальтовой дорожки, ведущей к Успенской церкви. Вполне вероятно, что надгробие сына ушло под асфальт дорожки.

Учениками Шанина были и А. Н. Зеленин, и другой местный живописец - Иван Иванович Туранский. Сам он покоится на Южном кладбище, а на Егошихинском, недалеко от Мамаевых, - участок его родных Туранских - Московских, и среди них были художники (III).

Субботин-Пермяк Петр Иванович (1886-1922) был, как и Шанин, художником и педагогом. Талантливый сын коми-пермяцкого народа, окончив в Москве Строгановское училище, организовал в первые годы советской власти художественно-производственные мастерские (в Перми, Кудымкаре и Кунгуре) и театральные студии, был первым директором Пермского художественного техникума. Осенью 2001 года на могиле П. И. был открыт новый памятник (в центральной аллее, ведущей к Всехсвятскому храму).

Есть также несколько могил тех, кто учился в Пермском художественном техникуме. Валерий Башкирцев умер в 50-е годы от туберкулеза (семейный участок недалеко от Сведомских, X). Шульгин Александр Михайлович (1910-1935) после учебы в техникуме недолгое время работал там же преподавателем (VII).

На могиле Вяткина Михаила Александровича (1904-1995), члена Союза художников, его сын Глеб, известный художник, ныне живущий в другом городе, поставил недавно новый памятник (XI). В том же квартале покоится Лавров Александр Николаевич (1926-1958), он работал художником в краеведческом музее, оперном театре. Леньков Сергей Николаевич (скончался в 1919 году) - художник-педагог, преподавал в Пермском техническом железнодорожном училище (позднее техникуме). Здание техникума еще до войны украшали его картины. Похоронен недалеко от Всехсвятского храма. По соседству и могила художницы и сотрудницы Пермской художественной галереи Ольги Александровны Гладких (1906-1956). Ее муж, Борис, работал художником в газете "Звезда".

Зодчие Перми представлены на некрополе следующими именами. Александр Семенович Чирковский (1864-1901) - архитектор губернского земства; массивный обелиск стоит в оградке перед Всехсвятской церковью, есть надпись: "Незабвенному мужу и детям" (трем младенцам). Неподалеку могила архитектора Владимира Михайловича Веселухина (1894-1951).

Семейный участок Потапенко. Василий Васильевич П. (1841-1920) - губернский архитектор, необыкновенно плодовитый и надежный зодчий Перми, автор проекта и строитель оперного театра, пожарного депо (совместно с Р. И. Карвовским). В оградке сохранился только деревянный крест, из надписи на котором мы узнаем, что покоится здесь дочь архитектора Эмилия, преподаватель Мариинской женской гимназии, в последние годы жизни принявшая постриг (III).

Автору неизвестно пока, к сожалению, где похоронен такой видный архитектор, как А. И. Ожегов, скончавшийся в 1904 году, после недолгой болезни, как было написано в некрологе, в результате заражения крови. Зодчий совсем немного не дожил до завершения строительства по его проекту Старокладбищенской церкви. Могилы двух других крупных пермских зодчих, похороненных на НК, пермских поляков А. Б. Турчевича-Глумова (скончался в 1909 году в возрасте 54 лет) и Р. И. Карвовского (1830-1896) пока не обнаружены. Есть предположение, что А. Б. Турчевич похоронен возле семейного захоронения Глумовых (IX).

Лидия Анатольевна Катеринич (1916-1956) также была архитектором и женой, отчасти соавтором главного архитектора города Н. И. Бойченко (XII).

На надгробии А. Ф. Федорова (скончался в 1890 году на 50-м году) надпись: "Московский фотограф" (IX). Почему здесь? Суть в том, что этот московский мастер был истинный художник в своем ремесле, знал толк и в рекламе. Он поставил в Перми дело так, что даже после его смерти "Художественная фотография А. А. Москвина" указывала

на своем фирменном штампе: "Проспект, бывший дом Федорова". Учились этому искусству "подать себя" и фотографы Якунины, также похороненные неподалеку. А вот "художественности" было уже меньше.

Писатели, журналисты. Не удалось пока краоведам нанести на карту некрополя могилу Сергея Андреевича Ильина (1868-1914), старшего брата другого известного гражданина Перми - писателя Михаила Осоргина. С. А. Ильин был разносторонне одаренным человеком: поэт, сотрудник "Пермских губернских ведомостей", много лет был старостой музыкального кружка. Сохранились могилы других Ильиных, педагогов, домовладельцев (у них квартировала семья поэта), среди которых есть и его родственники. Сергей Андреевич был похоронен где-то рядышком.

Своему товарищу по музыкальному кружку Людовику (Людвигу) Винярскому (упокоившемуся по соседству) Ильин посвятил композицию на музыку Грига "К морю". Оба замечательных пермяка прожили так мало...

На центральной аллее у Всехсвятского храма посетителя ждет сюрприз: в первом ряду здесь покоится прах... Онегина. Именно таким псевдонимом (кроме прочих) подписывал свои стихи Анатолий Френкель, известный советскому читателю под псевдонимом Д'Актиль (1890-1942). Автор популярнейшего "Марша энтузиастов", "Марша Буденного", а также "Парохода" и многих других песен из репертуара Л. Утесова, ставших советской классикой. Эвакуированный в Пермь из сжатого блокадой Ленинграда, А. А. продолжал работать не только для театра, но и для мастерской агитплаката, сотрудничал с газетой "Звезда". (В. Н. Гусаров, сын тогдашнего партийного секретаря, в своих воспоминаниях напишет позже: "Выделялся даровитостью Дактиль...".)

Уже в последние годы жизни самого кладбища появились надгробия двух поэтов, Эдуарда Смирнова и Евгения Можая. Последний был участником войны, учился на филфаке Пермского университета (1923-1958, покончил жизнь самоубийством).

Неподалеку на том же Новом кладбище похоронены две известные уральские писательницы. Памятник на могиле детской поэтессы Евгении Федоровны Трутневой (1884-1956) и ее мужа Николая Николаевича - во втором ряду центральной аллеи.

Точное место захоронения Анны Александровны Кирпищиковой (1838-1927), сотрудницы журналов "Современник", "Отечественные записки", автора повестей о жизни рабочего Урала, неизвестно, но, возможно оно было возле могил Кирпищиковых (XI).

Почти одновременно с надгробием Е. Трутневой появилась по соседству и могилка писательницы Надежды Николаевны Арбеновой (1890-1954), переводчицы Вальтера Скотта, Анатоля Франса, Теодора Драйзера. Н. Н. была эвакуирована в Пермь из Ленинграда в 1942 году, как и труппа знаменитой Мариинки. Но, в отличие от артистов, она так и осталась после войны здесь, работала в книжном издательстве.

Немало на Егошихинском хоронили и журналистов. Назовем здесь М. П. Туркина, Ф. Н. Лукоянова - они же все были, кроме того, что революционерами, и партийными публицистами, очень даже не бездарными. А вот Ротерс Сергей Георгиевич скончался в 1950 году, не дожив до 30, в самом расцвете журналистской карьеры (XIII).

Круг пермской интеллигенции... Обидно, что мы забыли, как уважали в дореволюционной Перми педагогов. На Егошихинском кладбище нашли упокоение многие из преподавателей гимназии, учивших и будущего организатора Русских сезонов

С. П. Дягилева. Это учитель истории известный краевед А. А. Дмитриев, уже упоминавшийся выше художник А. С. Шанин, преподаватель немецкого языка и пения Э. Э. Деннемарк (он был еще и старшиной музыкального кружка, в числе главных фигур "Пермских Афин"), учитель чистописания и непризнанный поэт М.А. Афанасьев. "Где уж мне наравне с Афанасьевым быть, с знаменитым губернским поэтом", - написал ироничный Сергей Ильин.

У Всехсвятской церкви стоит мраморный памятник с лампадницей однофамильцу поэта-учителя Афанасьеву Ивану Николаевичу (скончалась в 1901 году 63 лет). На надгробии эпитафии нет, лишь многоговорящая надпись: "Оставил городу приют-ясли"...

Надгробие-"подушка", на котором написано: "От Богородицкой церкви" - Бояршинову Николаю (рядом такой же памятник его жене Антонине). Под камнем сим покоится известный педагог, автор учебника географии Пермской губернии (1913) (II).

Солидное каменное надгробие на могиле другого педагога - Надежды Михайловны Егоровой (1851-1907), классной надзирательницы Мариинской женской гимназии, работала в гимназии почти двадцать лет, с 1875 года. Надпись такая: "Дорогой милой дочери, сестре, тете, честному человеку, другу и наставнице от чтущих память". Честному человеку - это, согласитесь, очень немало при подведении жизненного итога (XI). Рядом - могилка педагога других времен, заслуженной учительницы РСФСР Е. В. Поровой (1900-1956). О семье Богословских можно сказать, что профессия педагога для них - династийная (III). Подойдем и к надгробию учительницы Кирилло-Мефодиевского училища Анны Гавриловны Казаковой (1871-1910), оказывается, она была почетной гражданкой Перми (VIII).

Варфоломеева Олимпиада Максимовна (1865-1960) в начале своей долгой деятельности была сотрудницей П. Н. Серебренникова. Первые ясли она организовала еще в селе Коса. По ее инициативе было создано в Перми общество "Светлая юность", а с декабря 1912 года начал действовать первый на Урале детский сад. Надгробие долгожительницы - у южной стены Всехсвятской церкви, там, где могилы и членов семьи педагогов Грацинских.

На обелиске видному педагогу Василию Михеевичу Шулепову (1874-1922) - чистому идеалисту, организатору детского коммунистического клуба "Муравейник", заслуженно появились слова "народный учитель" (VII). ...Семейный участок Дмитриевских, ближайших родственников директора Пермского реального училища, ставшего под конец жизни инспектором в Москве, находится у южной стены храма Всех Святых. В 1978 году в Пермь на адрес семьи Кобяк пришло приглашение от москвича Сергея Дмитриевского приехать на его 80-летний юбилей. На открытке - фотография Пермского реального училища, в котором, оказывается, родился юбиляр... Судьба другого потомка этого рода сложилась трагично: как и многие из его родных, инженер Дмитриевский подвергся репрессиям, сидел в лагерях и был освобожден только после 1953 год (он похоронен на участке у храма). А через дорожку - могилы членов семейства Кобяк.

Это и называется хитросплетениями судьбы. Из степенных продолжений рода, из прихотливых, подчас фантастически невероятных встреч и не встреч оказалась соткана жизнь и судьба старинного некрополя.

Представители разных сословий: Смерть не разбирает ни сословий, ни званий. В народе на сей счет говорили: "Царь и народ - все в землю пойдет". Или: "И пономарь, и

владыка в земле равны". Другая грань той же мысли: "Знать, и на том свете мы будем на бар служить: они - в котле кипеть, а мы - дрова подкладывать".

Сохранились надгробия и крестьян (есть массивные каменные плиты с обязательным указанием, какой губернии и деревни уроженец), и купцов (их сразу можно отличить по внушительным размерам), и мещан, и дворян - короче, налицо все четыре сословия царской России... Заметим, что слово "мещане" здесь применяется без всякого обличительного и ругательного оттенка, в старой России это - податное сословие, состоявшее из мелких торговцев, домовладельцев, ремесленников.

Например, на могиле Каменских Александра Андреевича стоит каменная "часовня", это "крестьянину Соликамского уезда с. Орла" (скончался в 1905 году 50 лет, VII). Неподалеку лежит дворянка (именно такая надпись и высечена) Надежда Миновна Ячменева (скончалась в 1894 году). Рядом - памятники (поваленные) статского советника Визгина, инспектора народных училищ, и его супруги. Жили в одно время, при жизни, быть может, и не знали друг друга, а "последнее убежище" сделало их соседями. "Своих" дворян в губернии было немного. Подтверждение этому находим в эпитафии Стишевского Александра Васильевича (скончался в 1811 году 35 лет) "из черниговских дворян Пермского правления губернского секретаря" (жил в Перми 18 с половиной лет). "Судьбою удален от родины своей/Ты щастия искал в чужбине отдаленной/Нашел приют его - нашел ты и друзей/И наконец - нашел покой себе блаженной".

На Егошихинском представлена практически вся Петровская табель о рангах. Найдем даже "отзвук" допетровской Руси. У стен Всехсвятского храма на обелиске читаем: "Здесь покоится прах болярина Павла Ивановича Солодовникова" (скончался в 1871 году).

Генерал-лейтенанты Баранов и Бурмайстер (первый - в оградке Всехсвятского храма, второй - ЛК). По табели о рангах генеральский чин требовал обращения "Ваше превосходительство", соответствовал гражданскому тайному советнику и действительному статскому советнику. Врач и краевед В. Н. Шишонко дослужился до действительного статского советника - редкий случай.

Кермик Александр Федорович - первый управляющий Пермского отделения Госбанка, открытого в 1870 году, статский советник, "Ваше высокородие" (каменный крест в оградке Всехсвятского храма). Рядом похоронены представители звучной для России фамилии - княгиня МаксUTOва Анна Ильинична, статская советница (1796-1847), и княжна Анна, умершая во младенчестве в 1831 году. Это жена и дочь князя П. И. МаксUTOва, управлявшего Пермской удельной конторой со времени ее учреждения в 1830 году. (Сын его Дмитрий - контр-адмирал и последний главный правитель Русской колонии в Америке.)

Чиновник особых поручений губернатора Хотов Лев Афанасьевич умер в 1889 году, т. е. при губернаторе Лукошкове, в чине надворного советника (VIII).

Медем, бароны (у изгороди Всехсвятской церкви). Члены семьи А. А. Медема, занимавшего с 1873 по 1895 год должность товарища (заместителя) председателя Пермского окружного суда и председателя (с 1895 года) Екатеринбургского суда.

Мостовенко, семейный участок. Два каменных надгробия, из надписи на одном из них узнаем, что Иван Иванович, глава семьи, был титулярным советником - и все. Но

случай помог: к нам обратились за помощью родственники этого человека, пожелавшие реставрировать надгробие (XIV).

Вспоминается классика: "Он был титулярный советник, она - генеральская дочь..." Некрасов имеет ввиду, что между возлюбленными пролегла большая пропасть? Третий класс - и девятый, шесть ступенек. Но и титулярный советник - не самая малая величина! Хотя, конечно: с одной стороны - "Ваше превосходительство", а с другой - "Ваше благородие"...

Титулярных советников много, камергерская дочь - всего одна, графиня Гендрикова, занесенная на берега пермского Стикса недоброй судьбой в 1918-м ... (О ней подробнее см. в главе "По Романовскому следу".)

Оболенские Александр (1863-1950) и Александра (два ажурных железных креста возле Успенской церкви). Сразу вспоминается повесть "Третья правда" Леонида Бородина: "Барская у нее была фамилия, дворянская... На всю Россию их фамилии и дюжины не будет. Оболенская называлась... из бывших".

Купцы всех гильдий. Все больше внимания привлекают сегодня могилы пермских предпринимателей, купцов, а также членов их семей. Большинство надгробий довольно хорошо сохранились, прежде всего потому, что изготовлены они были из добротного материала (мрамора, гранита, чугуна) и часто больших размеров. О некоторых представителях купецкого рода в последние годы появились публикации. И мы узнали о них не только как о "чумазах" (словечко Салтыкова-Щедрина), "денежных мешках" и "мироедах"-эксплуататорах...

В начале XIX века купцов в Перми было всего полторы сотни человек (согласно свидетельству первого историка Пермского края Н. С. Попова), примерно на том же уровне остается количество гильдийского купечества в середине века. В "Памятной книжке Пермской губернии..." на 1863 год Самуил (Самюэль) Пенн приводит такие цифры: в губернской столице проживало 146 купцов мужескаго пола (да еще 122 - женскаго, члены семей), в отдельном разряде учитывались 25 почетных (потомственных) граждан и 8 личных почетных граждан. А в конце века - уже на тысячу с лишним больше, чем в царствование Александра I.

Славный город Пермь построен, в основном, усилиями и на средства местных купцов и предпринимателей, которые много занимались и благотворительностью. Вот почему городскими головами избирались видные купцы, и старостами всех пермских храмов также избирали их, по традиции. (Кстати, традиция эта подхвачена и в наши дни.) Поэтому и начнем мы восстанавливать наш "охраненный список" пермского купечества с городских голов.

Попов Михаил Абрамович (родился в 1753, женился в 1770 году, скончался 8 сентября 1811 года) - пермский 2-й гильдии купец, переписался из кунгурского купечества при открытии г. Перми и был первым пермским городским головой с 18 октября 1781 года по 18 октября 1784 года и вторично с 1793 по 1796 год (надгробие на СК пока не обнаружено). Его младший брат Петр Абрамович (1755-1807), купец 1-й гильдии, также был городским головой Перми два срока (второй срок до конца не доработал, умер в 1807 г. при исполнении).

Лапин Василий Герасимович (умер 20 апреля 1793 года 62 лет 3 месяцев и 20 дней) - купец 2-й гильдии, городской голова Перми в 1784-1790 годы, при особом содействии

которого (и на пожертвования) была выстроена вторая в Перми церковь, Рождества Богородицы (III).

Дружинины, семейный участок купцов; Денис Сергеевич Д. был городским головой Перми два срока, последний раз в 1817-1820 (I).

Смышляев Дмитрий Емельянович (1790-1857) - выходец из Соликамска, купец 1-й гильдии, в 1823-1826 годах - городской голова Перми (за заслуги в устройстве Новокладбищенской Всехсвятской церкви похоронен в особом склепе под алтарем храма).

Сиговы, семейный участок; Петр Ерофеевич С. (скончался в мае 1899 года), купец 2-й гильдии (грузоперевозки), выходец из дворовых людей графа Всеволожского, избирался городским головой Перми в 1885-1890 годах. Потомки его, живущие в Петербурге и во Франции, не забывают город предков, их усилиями в середине 90-х приведены в порядок родные могилки, поставлены новые памятники и чугунная оградка (I).

На территории Егошихинского некрополя был похоронен и ряд других купцов, бывших городских голов, почетных граждан Перми. К сожалению, не все могилы удалось найти. Работа продолжается.

А теперь о других представителях могучего третьего сословия.

Абрамовы, семейный участок пермских купцов (X).

Абрамович, семейный участок купца 1-й гильдии, владельца фабрики плакатов (ИК).

Агеевы, семейный участок пермских купцов (XII).

Алины, семейный участок известных купцов, выходцев из Чердыни. Глава семейства "меховой король", купец 2-й гильдии Александр Семенович А. умер в 1915 году, оставив на попечении жены Таисии Александровны магазин (Сибирская,19). Надгробие было уничтожено в советские годы, потомки восстановили семейную оградку (для пяти человек), найдя прежнее место по небольшому памятнику младенцу: Ане Алиной (VII).

Бажановы, семейный участок купцов, выходцев из Ярославля; потомки их стали врачами (в оградке Всехсвятской церкви).

Базановы, семейный участок пермских купцов; Дмитрий Иванович Б. торговал красным, т. е. фабричным товаром (скончался в 1874 году 73 лет); надгробие каменное в виде гроба, есть эпитафия; рядом - массивное надгробие-"часовня" Марии Федоровны Б., урожденной Владимировой (1848-1880). На средства семьи Б. построено Екатерино-Петровское училище (ныне музыкальное) (II).

Баландины, семейный участок купца 2-й гильдии Павла Степановича Б. (скончался в 1897 году 67 лет) (II, возле ВК).

Бармины, семейный участок пермских купцов (VII).

Башкирцевы, семейный участок купцов и наследников (X).

Белов Тихон Иванович (1850-1896) - торговал мануфактурой, владел номерами по ул. Пермской, 68; был ктитором Магдалининской церкви (VIII).

Бердинские, семейный участок напротив входа во Всехсвятскую церковь; торговый дом братьев Бердинских (торговля лесом, перевозки); владели каменно-угольными копиями по реке Усьва. Григорий Васильевич Б. - купец 1-й гильдии, благотворитель, активно помогал Белогорскому монастырю, Богородицкой церкви (скончался 14 сентября 1911 года), а его сын "ударился" в марксизм, из-за чего семья в итоге разорилась (VIII).

Бобровы - торговый дом "Бобров и Гаврилов" (мануфактура, платье), купец Бобров владел двумя домами на ул. Торговой (Советской), в одном из которых (арх. А. Б. Турчевич) теперь офис группы предприятий "ЭКС". О могущественном торговом доме напоминает на кладбище массивное надгробие, из надписей уцелела одна, которая относится к более позднему времени, уже советскому, и напоминает о семейной трагедии: "Елочка Боброва". Елена Васильевна скончалась 20 июля 1936 года 17 лет (XI).

Бруштейн, могилы семьи владельцев магазинов разного профиля (ИК).

Вершов Самсон Осипович (1849-1897) - владелец магазина аптекарских и парфюмерных товаров "С. Вершов и провизор Рабинович" (ИК).

Вилесовы, семейный участок купцов (VIII).

Вольни Кирилл Карлович, пермский купец (скончался в 1892 году 47 лет) (ЛК).

Гавриловы, семейный участок предпринимателей (VII).

Гильковы, семейный участок купца 2-й гильдии Ивана Андреевича Г., почетного гражданина Перми (1797-1865) (II).

Губановы, семейный участок купцов (пять памятников возле саркофага Теплова, III).

Демидовы, семейный участок купцов; Петр Демидович Д. (скончался в 1902 году) - прошел фантастический путь от солдата до основателя торгового дома, владельца мебельного и зеркального магазина на ул. Покровской, который он завел, получив наследство от своего родственника Демидова, князя Сан Донато; более 20 лет был старостой церкви Пермской семинарии (надгробие возле Успенской церкви и семейный участок Д. в квартале, VIII).

Доллар Иван Иванович (скончался в 1886 году в возрасте 33 лет) - коммерсант, имел дело в Москве и Перми (XII).

Досмановы, семейная ограда родственников купцов, торговцев чаем (вместе с Е. А. Романовой) (VIII).

Еремеевы, семейный участок у стен Успенской церкви; А. Дмитриев пишет, что ограда и новая роспись Петропавловского собора в середине XIX века появились усердием соборного старосты Егора Ив. Еремеева; сын его, купец 3-й гильдии Александр Егорович владел кожевенным и кошевным заводиками.

Заозерский Георгий (Егор) Ильич (1839-1904) - владелец типографии (преобразованной его сыном Александром в товарищество "А. Заозерский и И. Абрамович"), писчебумажного магазина, один из основных попечителей Успенского храма, купец, председатель Пермского сиротского суда, член Палестинского общества (III).

Зобачевы, два семейных участка пермских торговцев (возле Успенской церкви).

Ивановы, семейные участки пермских купцов (III и VIII).

Калашников А. Г. (скончался в 1892 году) - пермский купец ("купель" с крестом, II).

Карповы, семейный участок купцов, пароходоладельцев (V).

Киселевы, семейная ограда; купчиха 1-й гильдии Мария Тимофеевна К. владела домами по ул. Покровской, одно из зданий ныне занимает Пермское отделение ВООПИКа; в 1818 году здесь останавливался М. М. Сперанский (рядом с Савиными, X).

Клоповы, семейный участок; Иван Сидорович К. - почетный гражданин Перми, мещанский староста, владел кондитерской на ул. Петропавловской; Евдокии Андреевне К. (скончалась в 1896 году 49 лет) посвящена эпитафия (см. ниже в соответствующей главе) (XI).

Кожевников Фока Ермолаевич (скончался в 1864) - сын купца 3-й гильдии, торговля товарами бакалейными, колониальными (привезенными из стран жаркого пояса), москательными (химическими) и кошомными (плетеными корзинами и прочим). "Голгофа" с эпитафией (II).

Колыбаловы, семейный участок пермского купца, владельца городской бани (пять каменных надгробий рядом с Бердинскими, VIII).

Копысовы, семейный участок торговцев меховыми товарами ("рухлядью") и валенками (XI).

Королевы, семейный участок домовладельцев, предпринимателей (I); Василий Иванович К. (был старостой Успенской церкви (I)).

Котеневы, семейный участок купцов 1-й гильдии: Сергей Константинович (скончался в 1891 году 47 лет), Константин Тимофеевич (скончался в 1879 году); владели пиво- и медоваренным заводом. Вырабатывали пиво следующих сортов: богемское, царское, пильзеньское, портер, кульмбахское, экспорт; кроме того, выпускали минеральные воды и шампанское (VIII).

Кропачевы, семейный участок коммерции советника (такое звание соответствовало восьмому классу табели о рангах и обращались к ним "Ваше высокоблагородие"), потомственного почетного гражданина Перми Александра Павловича К. (1824-1906); хлебная торговля, кирпичные "сарай" (т. е. заводы), перевозка; староста церкви мужской гимназии (XI).

Кротовы, семейный участок пермских купцов (XI).

Крыловы, семейный участок купцов, выходцев из старообрядцев (I).

Кудряшев Александр Иосифович - купец (скончался в 1917 году 37 лет, VII).

Кузнецовы, семейные участки пермских купцов (в оградке Успенской церкви, XII).

Лавровы, семейный участок Петра Михайловича Л., купца 1-й гильдии, почетного гражданина Перми (скончался в 1907 году); торговал продовольствием, известен как владелец дома, в котором жил семинаристом А.С. Попов, будущий изобретатель радио (возле Успенской церкви).

Лагро Григорий Макарович (скончался в 1890 году) - купец ("голгофа", X).

Лепешин А. Г. - пермский купец 2-й гильдии (III).

Манухин Иван Иванович (1825-1890) - пермский предприниматель ("голгофа" у Успенской церкви).

Марковы, семейный участок купцов (II).

Марьины, семейный участок купцов 1-й гильдии, почетных граждан Перми; Иван Григорьевич М. - первый директор Марьинского общественного банка (основанного на капиталы старшего брата Кирилла), был кроме того директором попечительства о тюрьмах и более 20 лет - старостой единоверческой Свято-Троицкой церкви; Иван Иванович, его сын (I, еще один марьинский памятник - возле участка Насоновых в кв. III).

Мельков М.И., купец (скончался в 1888 году, X).

Миropyчевы, семейный участок купцов-старообрядцев (V).

Мироньевы, семейный участок пермских купцов (V).

Насоновы, семейный участок известных предпринимателей и благотворителей: одному из городских училищ было присвоено имя директора Марьинского общественного банка Василия Михайловича Н. (скончался 14 июня 1898 года). Большая честь, если знать, что другому училищу (располагавшемуся в одном здании с Насоновским, на ул. Малой Ямской) дали имя цесаревича Алексея (два каменных креста на "голгофах", III).

Нечаевы, семейный участок Гурия Афанасьевича Н., выходца из крестьян-старообрядцев, купца 2-й гильдии (Нечаевская бумажная фабрика на Данилихе), гласного городской Думы, члена комитета по разбору нищих, комитета о тюрьмах (V).

Николаевы, семейный участок пермских купцов (I).

Панфиловы, семейная оградка, вместе с Шабердиными (родство?). Павел Дм. П. - управляющий Волжско-Камским банком (II).

Пермяковы, семейный участок купцов-старообрядцев, владельцев галантерейного магазина (XI).

Петуховы, семейный участок управляющего Демидовским заводом, почетного гражданина Перми (II).

Потеряев Петр Егорович (скончался в мае 1900 года 46 лет) - семейный участок представителей торгового дома (оптовая торговля хлебными, рыбными и персидскими товарами). Памятник с эпитафией (V).

Романов Игнатий Иванович (1837-1903) - домовладелец, староста Новокладбищенской церкви, возле которой и похоронен.

Русских, участок предпринимателей и их родственников Мотовиловых (III).

Савины, семейный участок купцов 2-й гильдии; пряничное заведение, торговля москательными, бакалейными, колониальными (персидскими) товарами; один из братьев С., Феодосий Егорович, был гласным Думы, городским старостой (X).

Санины, семейный участок пермских купцов (XII).

Скирдовы, семейный участок предпринимателей, домовладельцев (III).

Скоробогатова Александра Ивановна (1880-1949) - домовладелица (I).

Сорокины, семейный участок почетного гражданина Перми Кондратия Андриановича, он был старостой Богородицкой церкви на протяжении 35 лет; "пермский старожил", как назвал его В. Верхоланцев, умер в 1903 году на 83-м году (VIII).

Степановы, семейный участок купца 2-й гильдии Дмитрия Степановича С. (скончался 7 апреля 1902 года 73 лет), выходца из кантонистов, участника Крымской войны 1853-1856 годов; торговал бакалейными, табачными изделиями, фруктами, был директором Пермского тюремного комитета, пожизненным членом братства Св. Стефана Великопермского; сын Александр дело расширил, кроме того, содержал лучшую гостиницу Перми - Королевские номера (III).

Сусловы, семейный участок пермских купцов и домовладельцев (III).

Третьяковы, семейные участки купцов (один - за могилой А. Бера, квартал I, другой - у тропы III).

Тругневы, семейный участок купцов; один из них владел рестораном (XI).

Холмогоров И. А., купец, владел домом на Вознесенской (Луначарского, 11), в котором в 1888 году был открыт Крестьянский поземельный банк (II).

Цветковы, семейный участок пермских купцов в оградке Успенской церкви; на надгробии купчихи - личной почетной гражданки (скончалась в 1913 году) - надпись: "памятник куплен л.п. гражданином Цветковым Иваном Михайловичем в 1916 г."

Чердынцевы, семейный участок предпринимателей, торговцев напитками, владельцев типографии, пивоваренного завода. На массивном купеческом надгробии есть эпитафия (VI).

Шадрины, семейный участок домовладельцев, торговцев бакалеей, колониальными товарами; Алексей Потапович Ш. (скончался в 1910 году, I).

Шипулин Михаил Дмитриевич - купец (скончался в 1870 году 75 лет, V).

Шоломов, семейный участок домовладельцев (II).

Шумиловы, семейный участок пермских купцов (III).

Юговы, семейный участок у Всесвятской церкви; Виктор Тимофеевич Ю. - купец 2-й гильдии; торговля оружием, бакалеей и "юговскими" пряниками; гласный городской Думы, член экономического общества. На дочери купца Югова был женат поэт-футурист Василий Каменский.

Юманов Дмитрий Иванович, Елизавета Александровна (общее надгробие) - владельцы первой на Урале (1886) фабрики музыкальных инструментов, музыкальных магазинов (VII). ...Исследование истории города через историю старинного кладбища увлекло и ребят из краеведческого лагеря, созданного под эгидой ВООПИК. Были случаи, когда тема приобретала иное звучание, глубоко личное: история семьи - в истории страны. Десятиклассница из Дягилевской гимназии Аня Рец, к примеру, начала изучать свое генеалогическое древо и столкнулась с удивительным открытием: купцы Досмановы - ее предки! Про них и в книге Н. Баяндиной "Пермь купеческая" написано. Павел Степанович Досманов был купцом 1-й гильдии, занимался мануфактурной и чайной торговлей. Один из учредителей торгового товарищества "Пермяков, Досманов и Ко".

При виде многих семейных участков, сохранившихся на кладбище, уместно будет вспомнить грустные слова Петра Вяземского: "Пристани жизни - кладбище, общий семейный очаг..." Материал о некоторых представителях торгового сословия, нашедших свое последнее пристанище между Стиксом и Егошихой, историкам края еще нужно искать.

По Романовскому следу: Как пришла революция в Пермь? Почти так, как описал ее А. Гайдар в одном из своих рассказов, опубликованном впервые только недавно: "...Революция пришла в Кошкoперск по телеграфному проводу, и потому особенного значения сначала ей не придали. В офицерском собрании было совещание командиров, после которого роты караульного батальона были выстроены и им объявили, что его императорское величество государь император Николай Александрович, утомившийся от управления страной, передал царствование брату своему, его императорскому высочеству Михаилу Александровичу... Вот и вся революция" ("Денщик генерала Дергач-Оглоперова", журнал "Родина", № 1, 1990).

И никто даже представить не мог, что вскоре произойдет с Романовыми... В фондах Пермского краеведческого музея хранится редкая фотография 1866 года. На ней изображены представители пермской общественности. Снимок сделан "по случаю счастливого избавления" (на Александра II покушался террорист Каракозов). Кто же эти полномочные представители? С иконой стоит городской голова купец Ф. Каменский, от дворян - П. Дягилев, В. Самойлов, от купеческого сословия - В. Хотов, И. Марьин, И. Любимов, А. Кропачев, от мещан - И. Кондрашин. Губернская столица искренне переживала за царя...

Еще в начале XX века на месте улицы Тихой находилось военное кладбище. Об этом напомнила автору краевед Е. А. Спешилова (у которой, кстати, на Егошихинском

кладбище похоронены предки по линии матери, они были потомками Державинских - крестьян, принадлежавших поэту и помещику Державину). На плане города ("Вся Пермь", 1911) это кладбище обозначено, его называли Михайловским, в честь великого князя Михаила Николаевича Романова. В годы Первой мировой войны здесь хоронили русских воинов, погибших на фронте, умерших от ран в пермских лазаретах. А Михаил Николаевич Романов был военным человеком, одно время возглавлял Государственный совет Российской империи, но для уральцев ценно то, что эта "царская особа" (как называли членов императорского дома) в 1887 году посетил Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку, проходившую в г. Екатеринбурге. Великий князь соблаговолил оказывать августейшее покровительство выставке, а после - и Уральскому обществу любителей естествознания, и действительно помогал вплоть до своей кончины в 1909 году. Неслучайно в том же году уральцы в разных формах увековечили память этого Романова. В музее открылся зал его имени, была учреждена Михайловская премия за успехи в изучении Уральского края. В Перми в присутствии великого князя Михаила Николаевича было освящено новое здание Мариинской женской гимназии, произошло это событие 13 июня 1887 года.

Переключку событий, странные "скрещенья судеб", говоря словами поэта, здесь, на территории старого некрополя, можно, при желании, проследить поквартально, поэтапно... И "романовский след" еще не раз протянется на Егошихинское кладбище.

Сам М. А. Романов бывал на старом кладбище, о чем мы встречаем упоминания в его дневнике 1918 года: "Пермь, 4/17 мая. Пятница. ...Днем Наташа (жена Михаила Александровича. - Авт.) и я гуляли, были в Гостином дворе, затем пошли мимо церкви Воскресения на старое кладбище, обойдя его, по Сибирской возвратились домой...

18/31 мая. Пятница. Утром кончил читать "Записки из мертвого дома". Днем Знамеровский (жандармский полковник, тоже сосланный в Пермь и вскоре расстрелянный как заложник. - Авт.) и я прогулку сделали через старое кладбище, за ним спустились и поднялись через лесистый овраг, покрытый пихтами, внизу которого вьется речка, и вышли через деревню Горки обратно в город мимо Петропавловского собора..."

Из документа, найденного мною в пермском архиве, выяснилось, что на этом кладбище мог быть похоронен и сам "экскурсант". Один из организаторов похищения и убийства великого князя Михаил Мясников уже через два дня после убийства предлагал своим подельникам "вырыть трупы (Михаила и Джонсона. - Ред.) и подкинуть их на Егошиху или к Королевским номерам". Для того, чтобы "заставить замолчать обывательщину и успокоить рабочих" (потому что пошли разговоры о бегстве Романова, а это означало возможность быстрого появления "самозванных Михайлов"). В силу разных причин план Мясникова не прошел.

Круг пермских знакомых Михаила Романова также помогает определить дневник - как затухающее сердцебиение великого князя.

"Пермь, 29 апреля - 12 мая. Воскресенье... Наташа, Джонсон и я пошли к г-же Алиной на Сибирской, где пили чай, а затем нам показывали комнаты, дом очень хороший..."

20 мая - 2 июня. Воскресенье... В 5 часов к чаю пришли Алин (сын) с женой..."

Семейный участок пермских купцов Алиных, упоминающихся в дневнике, возле Всехсвятского храма (VII). В соседнем квартале - могилы Тупицыных, эта фамилия

пермских купцов также встречается в предсмертных записях великого князя Михаила Александровича. Известно даже, что он собирался переехать из Королевских номеров в дом Тупицыных. Некоторые исследователи темы предполагают, что переезд задумывался с целью побега. Не успел. Общался великий князь также с инженером Андреевым и Андреевской (даже получил от нее письмо). И вот что любопытно: на НК есть обелиск из черного мрамора Ивану И. Андрееву, инженеру-теплотехнику (1887-1951). Может быть, тот самый царский знакомец? Под тем же памятником похоронена Андреевская, скончавшаяся в 1980 году, видимо, здесь захоронена урна с прахом (XI).

В дневнике М. Романова упоминаются также и другие пермские семьи и жители города, с которыми он познакомился в последние недели своей 40-летней жизни. Это Бармин ("б. Агафуровых", - делает примечание великий князь, имея в виду бывших владельцев магазина и их последователя), Добродины (родственники Тупицыных), Королевы, Николаевы, Шипицын (доктор, "пользовавшийся" Романова до последнего дня). Большинство из них похоронены на Егошихинском. Здесь упокоились и некоторые другие пермяки, имена которых не упоминаются в дневнике, но всплывают в воспоминаниях, протоколах допросов и других. Например, Герасим Гаврилович Карасев (1876-1925) служил поваром в Королевских номерах, случалось, приносил кофе знаменитому постояльцу (X).

Более жестоко судьба, "взнузданная" большевиками, обошлась с духовными знакомыми М. Романова: ректор семинарии Матвей (Померанцев) и епископ Андроник ("служит очень хорошо" - читаем в дневнике) убиты были в том же 18-м, и где их могилы - неизвестно.

Неподалеку от Алиных посетим еще одно захоронение, в котором покоится человек, гостеприимно принимавший в своем доме последнего российского царя, как называют иной раз великого князя Михаила Александровича Романова (ведь он отрекался только до созыва Учредительного собрания, собраться которому, как известно, не дали большевики). Речь идет о могилах семейства Кобяк. Глава семейства, Георгий Игнатьевич К., потомственный дворянин, редактор "Пермских губернских ведомостей", почетный гражданин г. Перми, изобретатель, умер в том же 1918-м (похоронен на АД). Вера Константиновна, хозяйка квартиры, в которой не боялись принимать ссыльного "царя на час", отошла в мир иной в 1942 году, пережив своего мужа на 24 года (VIII, у самой ограды Всехсвятской церкви).

В 1919 году на новом кладбище были захоронены многие жертвы красного террора, расстрелянные заложники, среди них - графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, 30 лет, фрейлина последней российской императрицы Александры Федоровны, и 70-летняя гофлектриса (придворная должность) Екатерина Адольфовна Шнейдер. Они поехали с царской семьей в качестве добровольных пленниц, большевики сделали бедных женщин недобровольными заложницами-смертницами. Из книги колчаковского следователя Н. А. Соколова мы узнаем, что в середине мая 1919 года тела Гендриковой и Шнейдер были эксгумированы, подвергнуты судебно-медицинскому освидетельствованию и с почетом преданы земле. В докладной генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса адмиралу Колчаку говорится, что могилы были хорошо видны из окон тюремной камеры больничного корпуса губернской тюрьмы, предсмертного их пристанища...

В июне 2000 г. на предполагаемом месте захоронения Гендриковой и Шнейдер установлены два креста. Большой крест (деревянный) был в то же лето сожжен неизвестными. В установке крестов участвовали представители Пермского Дворянского

собрания, ребята из летнего краеведческого лагеря Дягилевской гимназии, священник Новокладбищенской Всехсвятской церкви отслужил молебен...

Свистопляска на костях разыгралась в годы Гражданской войны после знаменитой "пермской катастрофы" - когда в декабре 1918 года красная Пермь была стремительно захвачена белыми войсками. В первую годовщину Октябрьской революции в сквере у оперного театра был торжественно открыт памятник (автор Н. Гуцин) на братской могиле жертвам борьбы. Как только колчаковцы стали хозяевами города, памятник был взорван, могила уничтожена. Тела большевистских комиссаров, изъятые из могилы на ул. Сибирской 4 мая 1919 года, закопаны на кладбище, сообщила газета "Освобождение России" (речь, по-видимому, шла о П. Д. Хохрякове, П. М. Светлакове, С. С. Большакове). Через год с небольшим, в сентябре 1920-го, большевики организовали на Новом кладбище "торжественные похороны тел погибших за революцию, вырытых белогвардейцами из братской могилы на Сибирской улице и брошенных на свалочные места". (Заметим, в том же стиле писала колчаковская пресса, когда белые искали на "свалочных местах" тела заложников.)

И это было не первое перезахоронение революционеров. Еще в 1918 году, 14 апреля состоялись торжественные похороны повешенных 25 мая 1908 года "лбовцев" Минеева (подпольная кличка - Сибиряк), Александрова (Уральца), Максимова (Сороки), Баранова (Учителя). Тела были выкопаны из-под тюремной конюшни по показанию арестованного помощника начальника тюрьмы - сообщает (вовсе не беспристрастно!) летописец В. Н. Трапезников.

Совсем не лишним свидетельством кровавой смуты тех лет, но грозным предупреждением стали и два памятника, стоящие возле польского участка (V). А. М. Батагов, умер в 1922 году, бывший председатель ревтрибунала, и А. Косвинцев, член ВКП(б) с 1906 года, убит 24 декабря 1918 года, то есть в день бесславной сдачи красными Перми. К одному из юбилеев советской власти этим деятелям поставили новые каменные памятники - но и старые, железные, были оставлены. По два памятника на душу.

В дальнем квартале (у Всехсвятской церкви) был предан земле прах С. И. Люханова, умершего в 1954 году. Никто уже к тому времени ничего про его прошлое не знал. Между тем, это тот самый шофер, "наехавший" (в прямом и переносном смысле) на царскую семью. Да, это именно Сергей Люханов был за рулем грузовика, вывозившего трупы расстрелянных Романовых, их слуг и доктора Боткина из Ипатьевского особняка июльской ночью 1918 года. До революции он работал шофером, на телефонной станции, машинистом. Вступил в партию большевиков. После Гражданской войны ездил по стране с места на место, словно пытаясь спрятаться... От кого? От себя, от своей совести? Его жена оказалась более стойкой большевичкой, она ушла от Люханова, не простив ему идейного отступничества (о чем рассказывает в книге Э. Радзинского "Господи, спаси и усмири Россию..." сын шофера). Последние годы Люханов трудился слесарем пермской инфекционной больницы и дожил, несмотря на угрызения совести, до 80 лет.

Почти у самого входа на кладбище, в пятом ряду аллеи, ведущей к Всехсвятскому храму, под железным столбиком упокоились видный революционер и его верная супруга. Лукоянов Федор Николаевич (1894-1947), человек яркой и кровавой судьбы. Недоучившийся студент-юрист, журналист, редактор большевистской газеты "Пролетарское знамя" (считается первым редактором газеты "Звезда") и видный чекист. После триумфального пришествия советской власти Лукоянов умудрялся совмещать редакторство с работой в качестве сначала председателя штаба Красной гвардии в Перми, а затем возглавлял Пермскую губчека (до июля 1918 года) и Уральскую областную ЧК.

В мирные годы Лукоянов вновь сосредоточился на журналистской работе (в том числе редактором пермской "Звезды", затем - журнала "Красная печать"). В ЦК партии отвечал несколько лет за газетную политику. Свело Лукоянова в могилу тяжелое нервное заболевание, приобретенное еще в 1918 году на чекистской работе. В том году ему приходилось ликвидировать и "кулацко-эсеровские" восстания, при нем и с Романовыми расправились, и заложников ни в чем не повинных сколько загубили... Выполняя завещание мужа, урну с прахом повезла в родную Пермь его вдова, причем собралась она исполнить долг спустя три года с лишним после кончины его, да не довезла, умерла сама по дороге, точнее, ее сняли с поезда уже в бессознательном состоянии. Как вспоминает краевед Е. А. Спешилова, их так и похоронили: К. А. Будрина-Лукоянова (происходила из рода известных пермских священников Будриных, которых хоронили у стен Всехсвятского храма) держала в руках урну с прахом горячо любимого мужа.

Памятник революционеру М. П. Туркину (1887-1947) находится над самым обрывом Егошихинского лога (XIV). На здании Пермского дома журналиста имени А. П. Гайдара есть мемориальная доска, извещающая: здесь он работал. Михаил Павлович с 1923 года был редактором газеты "Звезда".

В квартале профессоров Пермского университета (XIII) находится могила еще одного видного пермского революционера, участника Гражданской войны Александра Николаевича Клыкова (1886-1943). В подполье (работал вместе со Свердловым) его кличка была "Пушка". В годы Гражданской Клыков воевал комиссаром авиационного отряда, был также комиссаром Котовского, награжден орденом Красного Знамени.

Прославился и другой мотовилихинский рабочий, Фролов Василий Тихонович (1884-1934). "Зеленый" - такая у него была партийная кличка, когда он участвовал в качестве делегата от Урала в пятом съезде РСДРП, проходившем в Лондоне. Позднее Фролов пошел на сотрудничество с охранкой. Возле отца похоронен сын Кронид, умерший от отравления хлором после аварии на закрытом предприятии. Другой сын, по имени Коммунар, отличный шахматист, обыгрывавший даже самого Ботвинника (тот был в эвакуации в Перми), участвовал в Великой Отечественной войне, после оказался в сталинских лагерях (XI, возле С. Окулова).

Надгробия у Клыкова, Фролова, Калгановых, Зыряновых точно такие же, как и у других ветеранов партии, стаж которых начинается до 1917 года: каменные плиты с гирляндой, на табличке обязательно указание, с какого года член партии (у многих, правда, эти таблички уже сбиты). Среди них: Ф. А. Андерсон (1895-1951); Г. Н. Кикирев (1900-1960); П. Н. Клебанов (1897-1956); А. В. Лебедев (1878-1940); К. И. Лякишев (1886-1838); А. Н. Нестеров, Н. М. Паздников (1900-1960, рядом похоронен его сын, офицер); И. Н. Поткин (1886-1943); А. Ф. Смирнов (1882-1943); В. А. Шепелин (1906-1957).

Красный командир Мельчаков Геннадий Александрович (1898-1937) похоронен под обелиском, который родственники долгое время красили в красный цвет. Сейчас памятник - белого цвета... (IX).

Над самым обрывом зависла могила, в которой покоится неутомимый когда-то Скляр Андрей Ефимович (1899-1952) - участник Гражданской войны. На небольшом надгробном камне - разбитая фотография и крестик, который странным образом соседствует с бодрой эпитафией: "Память о чапаевцах вечна!" Кто-то может мрачно пошутить, что вечна она оказалась в анекдотах. Но вот в 2000 году дочь легендарного полководца доверила хранить чапаевский архив именно пермякам, завещав его музею реки Чусовой.

"Пало царство произвола, кончив жизнь свою, Кончил царствовать Никола. Баюшки-баю..." Вот такую "Колыбельную", переложенную регентом сельского хора П. М. Борчаниновым, напечатала в июле 1917 года "Пермская земская неделя". И сделано это было...по просьбе "Крестьянского союза", для сельских праздников! Похоже, число монархистов в Прикамье резко убавилось, если уж регенты подались в революцию.

Среди участников революционного движения назовем Е. А. Пузырева, ссыльного студента, организатора Пермской группы освобождения рабочего класса (умер идеалист, сгорев от чахотки, 23 лет от роду в 1900 году). Рядышком - могила Семченко Александра Васильевича (1893-1942), брата первого председателя Пермского губсовнархоза, революционера и журналиста Анатолия Васильевича С. Здесь же покоятся его родные (VIII).

П. А. Матвеев (1868-1927) - видный общественный деятель, юрист, педагог; популярность его личности проявилась в том, что одно время существовала в Перми даже улица Матвеева (позднее - Революции, видимо, власти не понравилась меньшевистская страница матвеевской биографии, а также то, что сыновья его были репрессированы). О трагической судьбе семьи Матвеевых упоминает в "Архипелаге ГУЛАГ" Александр Солженицын. Но до репрессий "своей" улицы и своих родных Павел Александрович не дожил (XII).

С похоронами П. А. Матвеева, по свидетельствам старожилов и газет тех лет, сравнимы по масштабности разве что проводы С. А. Окулова (1884-1934). На памятнике, что стоит в ста метрах от Всехсвятской церкви (XI), есть надпись "Активному участнику освобождения Перми от колчаковских банд". После смерти Степана Акимовича предлагалось по горячим следам даже переименовать Пермь в Окуловск. Но воздержались, а спустя три десятилетия ветераны партии и историки выяснили, что заслуг у Окулова было меньше, что он приписал себе кое-что из подвигов почти однофамильца Филиппа Акулова, тоже бравшего Пермь в июле 19-го.

Фигура колоритная. Недаром при Колчаке в Перми играли драму Морозова-Чертовой, среди действующих лиц которой были комиссары Окаянов, Гербель и Окуловский... Шла также драма "Царь Иудейский" на музыку А. Глазунова, эта драма написана К. Р. - великим князем Константином Романовым, сыновья которого были убиты в Алапаевске за несколько месяцев до премьеры.

Есть в некрополе и могила Романова, просто однофамильца царя - но не простого пермяка. Игнатий Иванович - так звали усопшего в 1903 году человека 66 лет - был потомственным почетным гражданином Перми, многолетним старостой Новокладбищенской церкви (недалеко от которой и похоронен). Эпитафия пермскому Романову гласит: "Мир тебе, добрый человек, бескорыстный труженик и честный гражданин". Добрый человек - это ли не самое важное предназначение живущего в обществе, так говорил, помните, и Иешуа Михаила Булгакова, обращаясь к каждому, с кем общался, даже к разбойнику (VIII).

Жертвы террора: Так получилось, что только во второй половине 90-х годов XX столетия история некрополя получила свое логическое завершение, или, другими словами, трагическое обрамление, когда он уже был закрыт (здесь не хоронили более двух десятилетий). Произошло это после того, как были стерты, правда, не все, "белые пятна" истории нашего общества.

В 1996 году при большом стечении народа на Старом кладбище, как раз напротив тюрьмы, был открыт памятник жертвам политических репрессий.

Мемориал представляет собой звонницу, поставленную на бетонную пятиконечную звезду, вверху - "терновый венец" из колючей проволоки. Есть глубокий смысл в исторической параллели между двумя памятниками: репрессированным и красному командиру Окулову, чье надгробие также стоит на пятиконечной звезде. И конечно, не всем такая "перекличка" нравится, но что делать, если история строительства идеального коммунистического общества была обильно полита кровью.

Место для мемориала было выбрано не случайно: по свидетельствам старожилов, жителей окрестных улиц и священника Успенской церкви, где-то в этом логу наискосок от тюрьмы закапывали жертв бессудных расстрелов; был среди них и православный священнослужитель. Так что далеко не всех увозили на расстрел в "столичный" Свердловск, чтобы бросить потом в общую могилу на 12-м километре Московского тракта.

Убитых закапывали еще и в другом месте: вторым слоем на территории мусульманского участка (о чем подробно писала в 1988-1989 годах газета "Вечерняя Пермь"). Приведем одно из свидетельств: "До войны, до 1949 года, я проживал по ул. Тихой, д. № 8. В то время это была односторонняя улица, на другой стороне было кладбище... Углом оно выходило как раз к нашему дому (мы пацанами птиц ловили на кладбище). Вот с угла я лично и наблюдал 2-3 раза захоронения, производимые из тюрьмы. Выкапывалась неглубокая могила, а затем сбрасывались в нее до десяти трупов примерно. Все трупы были голыми, к ноге привязан номерок. Привозились они на телеге в деревянном ящике... Моя мать работала в тюрьме машинисткой (трудовая книжка сохранилась), она рассказала начальнику тюрьмы об этих зрелищах (так как момент захоронения наблюдали и другие, забора в этом месте не было), и хоронить днем перестали... (Как выяснилось из показаний других старожилов, хоронить стали на восходе солнца. - Авт.). Мне было в ту пору лет 11-12. На днях я был в тех местах. Дома нашего давно нет. Почти в том месте, где производились тюремные захоронения, настроены гаражи. Там же производились захоронения и после войны. Так что едва ли что может дать эксгумация. Но ясно, что "пачками" уголовников никогда не расстреливали..." (В. Я. Мошев, 1925 года рождения, бывший работник прокуратуры).

Подобными воспоминаниями о тех днях 1937-1938 годов поделились со страниц газеты также Р. С. Комарова, В. П. Климов, Е. В. Леонтьев, жившие в ту пору на близлежащих к кладбищу улицах.

Своими воспоминаниями поделилась дочь кладбищенского сторожа, которая и выросла на кладбище (домик их стоял возле Всехсвятской церкви). Она видела, как и где тайком хоронили заключенных.

А вот еще история. В 20-30-е годы заведовала кладбищами (то есть всеми: и Новым, и Старым, и "нацменов") активистка-коммунистка В. Ч. Проработала она на этой должности лет семь. Конец ее карьеры был печальным, она покончила с собой. Трудно сказать, что послужило толчком для рокового решения. Может, из-за семейного неблагополучия, года за три до того у нее умерла дочка от туберкулеза. Может, из-за того, что насмотрелась на то, как прятали концы в кладбищенскую землю доблестные чекисты... Нервы не выдерживали и у не таких слабых созданий. Застрелилась она в свой день рождения. Похоронили мать рядом с дочкой, две могилки были даже видны из окон их бывшего дома. А вскоре и домик сгорел.

Вот еще "переключка" с венцом терновым: недалеко от церкви Всех святых есть семейная ограда (Ковалевых), опутанная... колючей проволокой...

К теме жертв репрессий, безусловно, относится и установка креста на месте предполагаемого захоронения расстрелянных в 1918 году придворных последней царицы Российской империи - графини Анастасии Гендриковой и гофлектрисы Екатерины Шнейдер, учившей Александру русскому языку, когда она еще была принцессой Гессенской, невестой Николая Романова. (См. в главе "По Романовскому следу".)

Жертвами "красного террора" стала и группа белогорских монахов (захоронения возле Всехсвятского храма), один из которых теперь причислен к лику местночтимых святых новомучеников. В самом отдаленном углу нового кладбища прихожане Всехсвятской церкви показали нам холм - братское кладбище монахов, священников, расстрелянных в годы Гражданской войны (XI).

Священник отец Леонид (Зубарев), похороненный у изгороди Всехсвятского храма, потерял остатки своего здоровья (он уже перед арестом был болен) в северных лагерях. Его усиленно обрабатывали чекисты, стремясь сделать своим "стукачом". Сломать не удалось...

Много лет провел в сталинских лагерях и священник Степан Савельевич Косожихин (1884-1958). По воспоминаниям дочери, его профессию долгие годы даже скрывали от детей, говорили: "был железнодорожником". Служил он до ареста в Оханском районе, а умер в Перми (IX).

Место, почитаемое верующими, есть и возле Успенского храма: у надгробий священников отца и сына Ярушиных похоронен епископ Соликамский (1924-1930) и Пермский (в 1930 году) Хрисанф (Христофор Гаврилович Клементьев, предположительно, родился в 1862 году, скончался в 1931 году). По сведениям П. Агафонова, о. Хрисанф был настоятелем Соликамского мужского монастыря, когда принимал участие в торжествах в Ныробе по случаю предполагавшейся канонизации боярина Михаила Никитича Романова, дяди первого царя из династии, отмечавшей в 1913 году свое 300-летие (канонизация не состоялась). В разные годы о. Хрисанф служил в пермских Петропавловском и Свято-Троицком соборах (на Слудке и в Мотовилихе). Подвергался арестам и ссылкам.

В книге "Годы террора" (Пермь, 1998) говорится о трагическом конце одной из славных представительниц пермской интеллигенции. В годы Гражданской войны бывшая начальница мужской гимназии 57-летняя О. В. Циммерман была арестована ЧК и умерла в декабре 1920 года в 4-й советской больнице (тюремной).

В лагере погиб известный краевед, юрист В. Н. Трапезников, автор летописи г. Перми (1874-1937). Его родственники похоронены как раз вблизи памятника жертвам репрессий. Владимир Николаевич был и активным левым, участником революционного движения на Урале, в 1902 году сидел в царской тюрьме. А приговорен к расстрелу краевед был как "участник контрреволюционной повстанческой организации Перми, которая ставила своей целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания". Его обвиняли в том, что "вместе с В. Владимирским пытались сорвать вооруженное восстание в Перми в 1905 году..."

В жизни ученого с мировым именем, доктора геолого-минералогических наук П. Н. Чирвинского также был долгий период, который он сам позже окрестил, как вспоминал

его сын, "нордической фазой", - поскольку прошла она, после ареста в ночь на Рождество 1931 года, на севере, в Ухте, Карелии, на Кольском полуострове. Десять лет концлагерей ученый получил по 58-й статье за... "сокрытие недр" (XIII).

Как известно, жертвами тоталитаризма становились не только "социально чуждые" и люди с "подозрительными" фамилиями. Есть недалеко от Всехсвятской церкви могилка, к которой родственники однажды принесли щепотку земли, взятую на севере Пермской области, на месте "Ныроблага", где теряются следы предка - простого крестьянина Григория Владимировича Честикова. Возле Успенской церкви есть кенотаф (пустая могила с одной фотографией) Андрея Степановича Поткина, красного командира, сослуживца Блюхера...

Не секрет, что среди репрессированных было немало правоверных большевиков. "Жрал детей своих медведь-шатун, русской революции Сатурн" (А. Вознесенский). К таким жертвам можно причислить и латыша Андерсона Франца Андреевича (1895-1951): последние годы жизни работал доцентом ПГУ, но в его жизни были годы, проведенные в "сталинском санатории" (III).

Трагично сложилась жизнь у членов семьи пермяков по фамилии Маркс: Михаил Федорович (1896-1939), Анна Максимовна (1900-1947) и Юрий Михайлович (1924-1943) (VIII). Неподалеку похоронен Станислав Петрович Маркс (1894-1951).

Художественная работа: Еще в 70-е годы у стен Всехсвятского храма стояло надгробие с чугунным ангелом. (Его фотография украшает обложку книги "Над Стиксом. Пермская эпитафия", Пермь: "Пушка", 2000): Теперь уж ангела, или архангела, нет, куда "улетел" со Старого кладбища - неизвестно. Создается впечатление, что перед натиском вандалов все ангелы в ужасе разбежались в поисках убежища и... выжили лишь те, которые спрятали свой лик. Так, каменный ангел, конечно, с обломанными крыльями, стоит на одном из отдаленных участков Нового кладбища (VII).

У развилки дорожек возле церкви Успения Богородицы стоят по соседству два удивительно разных по духу и исполнению надгробия. Одно, семьи Сибиряковых, представляет собой высокий, метра четыре, "собор" из покрашенных труб, довольно искусно выгнутых, сваренных и собранных "под купол" уральскими умельцами. Образчик творчества первых лет советской власти, отражающий и уровень развития ремесла, и переходное качество состояния умов пермяков.

А рядом - небольшое полуметровое каменное надгробие, глубоко вросшее (так и хочется сказать: словно вжавшееся от стыда) в мать-сыру землю. На одной его стороне неизвестный скульптор искусно вырезал ангела, читающего Евангелие. Весьма символическое соседство двух столь разных надгробий, оно выражает скрытую суть развития исторического кладбища. Когда я обнаружил "читающего ангела", этот глубокий рельеф был весь затянут зеленым мхом. Неизвестный мастер, неизвестное захоронение. На левой стороне памятника сохранилось первое слово молитвы, выбитой на камне: "Господи..." (II).

В моем представлении это надгробие связывается с именем художника Африкана Шанина, который был погребен где-то неподалеку. Судить об этом, увы, мы можем только по сохранившимся каменным "гольгофам" его родителей, у самой асфальтовой дорожки, ведущей к Успенской церкви.

На территории некрополя сохранились практически все типы надгробий: кирпичный "домик" под кровельной крышей и старообрядческий голубец (этому виду памятника в словаре В. Даля дается характерное примечание: "Ныне они запрещены"), мальтийский ("масонский") крест и "голгофа", обелиск и "аналой" с Евангелием, скульптурный рельеф и рисованный портрет, часовня и семейный мавзолей-усыпальница, арка и саркофаг, склеп и звонница... А кроме того - немало оригинальных памятников самой неожиданной формы, из разнообразных материалов - от местного камня до чугуна и речной ракушки. Есть и такое надгробие, свидетельство военных лишений тылового города: в могилу Федора Голдобина (скончался в 1945 г.) воткнут ... рельс (III, возле ЛК).

Еще М. Осоргин писал ("Времена") про Егошихинское кладбище: "Деревянные кресты уже давно сгнили и упали, уцелели только каменные гранитные памятники и несколько часовенных склепов". А бродил он здесь в конце прошлого века.

Самым старинным художественным надгробием можно считать на могиле иконописца П. П. Верещагина. Когда мы откопали плиту, то увидели: орнаментальный узор по всему периметру, вверху - крест, внизу - палитра. Правнучка И. Е. Раевская (Верещагина), приезжавшая в Пермь из Торонто, рассказала, что по воспоминаниям ее мамы (то есть дочери Василия Петровича), были на каменной плите еще кисти художника, из металла, но до нас они не дошли. Сохранилась надпись: "Под сим камнем покоится прах пермского живописца Петра Прокопьевича Верещагина скончался в енваре..." (год сбит, должен быть 1843) (III).

Самым знаменитым памятником из чугуна (а не бронзы, как написал в своем эссе М. Осоргин) является, пожалуй, надгробие незаконнорожденной и проклятой матерью дочери исправника Девеллия в образе змеи, кусающей себя за хвост. Плита сделана не без остроумия и с грубоватой уральской изящностью: маска, прорезанная в металле, способна произвести действительно отталкивающее впечатление (сейчас надгробие демонстрируется на диораме).

Чугунный саркофаг майора Теплова выполнен по рисунку академика архитектуры И. И. Свиязева, с барельефными фигурами русских воинов на боках (III). По соседству мы находим еще один саркофаг, но уже из камня - на могиле пермского мещанина В. А. Галькова.

Рядом есть надгробная плита-"мумия", вытесанная из камня в стиле древнеегипетских гробниц, но с нанесенным на нее православным крестом, - на могиле В. А. Лепихина.

Стили - на все вкусы. Издалека виднеется изящная мраморная "древнегреческая" колонна, классицизм, - надгробие врача-венеролога Н.Ф. Силугиной-Кушневой (1911-1940) (III).

В квартале Верещагина обращает на себя внимание памятник в виде сломленного ствола дерева (Леонид Юлианович Наградский). Типовой, в общем-то, памятник, разве что увеличенных размеров, должен выражать скорбь родителей по рано оборвавшейся жизни: по одной из версий 23-летний подпоручик-артиллерист погиб на дуэли 18 ноября 1896 года. Как в народе говорится: собираемся жить с локоть, а живем с ноготь... Надгробия родителей юного офицера - скромные "голгофа" и "аналой".

Здесь встречаются каменные надгробия-купели, увенчанные крестом: Кирилл Карлович Вольни, купец А. Г. Калашников (III), Е. Черноногова (II). Не редкость также

кресты в виде дерева со срубленными ветвями: на могилах врача Е. П. Серебренниковой (X), неперменного члена Пермского губернского правления И. У. Смоленского (IX). Крест, вырастающий из каменного сруба, - на могиле Г. А. Окулова (XI). Другая разновидность креста (железного) со скульптурным рельефом Христа в средокрестье (в том же квартале, безымянное надгробие), а также на могиле Силиных (III).

Крест стал определять "лицо" русских кладбищ со второй половины XIX века. Известное триединство - православие, самодержавие, народность - оказало влияние и на русскую мемориальную пластику. Если прежде крест использовался как элемент композиции, то в эти десятилетия он становится самостоятельным видом памятника. Исполняли его уральские мастера в чугуне, известняке, мраморе, устанавливали на "горки-голгофы", "скалы", колонны, пьедесталы различных конфигураций. Чаще других заказывали крест "в клевер" - символ Троицы и Воскресения. Латинский крест (или католический) ставили и на могилах православных, например, в семейной оградке Панфиловых (II). Выразителен крест с небольшой скульптурой распятого Христа на могиле Апполинарии Брызгаловой (VIII).

В тот же период распространение получили памятники в виде церковного аналога с раскрытым Евангелием, часовенок в русско-византийском стиле. Оригинально претворена идея раскрытого Евангелия на могиле А. А. Митрова (1859-1893). На каменном прямоугольном постаменте метровой высоты плита с изображением креста, накрытого Евангелием. Стих на нем высечен следующий: "Приидите ко мне все труждающиеся обремененные аз упокою вы" (X). Рядом - простое надгробие на могиле отца Митрова, умершего в 1867 году. Примечательно и соседнее надгробие - А. В. Мотыльской (1875-1897): массивная каменная "часовня", с лампадницей, крестом и эпитафией.

Тематический и стилевой диапазон провинциального кладбища скромнее, чем на знаменитых российских некрополях в столицах, крупных монастырях и лаврах. Но сказать, что пермский некрополь менее разнообразен - нет, нельзя.

Немало здесь обелисков, траурных урн, амфор, светильников, вылепленных, отлитых и вытесанных с разной степенью мастерства. Из серии надгробий-жертвенников выделяется размерами, более трех метров в высоту, на могиле А. П. Аверкиевой (скончалась в 1904 году 45 лет). Памятник несколько напоминает русскую печь (VIII).

К типовым надгробиям относятся и каменные колонны, к которым прикреплены наискосок кресты. Удивительно другое: самое большое, 4-5 метровое подобное надгробие (слева от Успенской церкви) оказалось безымянным. Такое же, но уменьшенных размеров, сохранилось над захоронением родственников архитектора Н. А. Шварева (III). Сам зодчий был похоронен на Верхнемуллинском кладбище.

Возле Успенского храма в начале XX века была поставлена часовня, построенная в том же византийском стиле, что и сама церковь, видимо, автор тот же - архитектор А. Ожегов. Предполагают, что строилась часовня тщанием купцов Агафуровых (у которых был лучший в городе галантерейный магазин "Пермский Мюр и Мэрилиз"). А одна старушка-прихожанка вообще сказала, что строил ее "нацмен", который пожелал остаться неизвестным. Сейчас это часовня Сергея Радонежского.

В разных концах некрополя обращают на себя внимание семейные мавзолеи или усыпальницы, сплетенные из толстой проволоки и подведенные под купол с крестом. Сохранилось их около десятка. Пришедшие уже в ветхое состояние, эти мавзолеи своими причудливыми очертаниями могут напомнить романтически настроенному посетителю

скелеты каких-то доисторических существ. Люди сюда еще ходят, сидят под сенью "скелетированных" усыпальниц, прислушиваются к пению оголтелых кладбищенских соловьев. Например, у Ивановых (в оградке Успенской церкви), у Панаевых (XII). Не сидят родственники только на иудейском участке, хотя там это мемориальное сооружение также сохранилось, на могиле Т. Л. Симановской. Подобный мавзолей отреставрирован на польском участке. (Летом 2001 года в одном из забытых склепов (Жальниковых) поселились два бомжа, жили, как на даче, обтянув каркас пленкой. Говорили, что согласны работать сторожами кладбища...)

Что интересно, подобные "шатры" были возведены и в советское время - над могилами героя Гражданской войны Степана Окулова (осталось только основание в виде пятиконечной звезды), и героя цыганской разборки "барона" Романа, сына Янко Гончарова.

По оригинальному рисунку создавалось надгробие в виде памятника-"храма" протоиерею Евгению Попову (у Всехсвятской церкви). Здесь же, в оградке храма на могиле княгини Максutowой стоит еще одно необычное надгробие: своеобразный "барабан на четверик", увенчанный крестом. Неподалеку от этого храма - каменная арка на могиле супругов Поповых (семья церковнослужителей). Такая же арка установлена на могиле Пономаревых отца и сына (II), Кусакиных (VI, у тропы П. Н. Серебренникова).

В иудейском секторе встречаются надгробия с изображением меноры (светильника) и кистей рук, словно в молитве воздетых к небесам, - это символ памяти и принадлежности похороненного здесь человека к колену священнослужителей. По воспоминаниям пермских старожилов-евреев, были здесь и памятники с изображением кружки - другим символом принадлежности к духовным лицам (из кружки после службы шло омовение рук). У инженера-технолога Анания Бернштейна на надгробии-"пирамиде" - рисунки инструментов (ИК). Крест с якорем украшают памятник технологу Н. Н. Агееву, скончался в 1877 году 33 лет (II).

Время накладывало свои отпечатки на тип надгробия. Так, на рубеже веков особенно видно, что люди, имевшие много денег, но мало вкуса, старались выделиться даже на кладбище. Стоит только посмотреть на огромных размеров каменные колонны, обелиски на могилах купцов (что на СК, что на НК). Или высоченные памятники на еврейском кладбище. Рядом с могильными "небоскребами" уже в другие времена появились надгробия в виде каменного ложе с небольшим возвышением-"подушкой", словно приглашенные жизненными бурями. Образ времени: такое надгробие труднее будет "сковырнуть"...

На рубеже веков на пермском некрополе стали также проявляться новые художественные стили, пышными цветами расцветала броская эклектика. Эстетика модерна четко прослеживается в изумительной красоты металлических крестах и оградке на могиле Н. Е. Розентреттера (1848-1877) и его родных. Еще один образчик стиля модерн (ИК, возле могилы раввина Линденбратена): памятник (фамилия сбита) представляет собой своего рода изящную металлическую раму зеркала, стоящего на массивном каменном основании с восьмиконечной звездой. Только вместо "зеркала" - пустота...

Прекрасное каменное надгробие в неорусском стиле было сотворено пермским лепщиком Петром Агафьиным (собственноручно вытесанный камень он завещал поставить на свою могилу). Памятник, увы, разбит, а о мастере осталась память в лепнине дома Грибушина и других пермских особняков. Что касается мемориального наследия, то можно предположить, что П. Агафьин работал над памятником М. И. Лушникову. На

бетонном обелиске - профессионально сделанные ангелочки и небольшой лик Христа (IX, возле оградки Героя Советского Союза Исхакова). На памятнике Протопоповых также сохранились скульптурные ангелы (XII).

В квартале Серебренникова соседствуют два безымянных креста, выполненных с явным знанием народного ремесла. Двухметровый деревянный крест изукрашен резьбой, представляющей растительный орнамент и солярные знаки. А в двух шагах - металлический кованый крест на "горке", причем в нижней части креста есть серповидный месяц, а из круглого средокрестья исходят лучи, тонко выделанные. Ангелочки со сложенными крыльями украшают железный памятник Кате Булдаковой, чья жизнь угасла, судя по датам, в 1893 году, когда ей было 12 лет (III).

Интересно решено надгробие детской писательницы Е. Ф. Трутневой у Всехсвятского храма: каменный обелиск с эпитафией (ее стихами) и фотопортретом поставлен на стопку книг. Памятник с лирой, арфой, в разных вариациях, видим на могилах Антонины Тыпилюк (X) и дирижера, педагога Людвиг Винярского (XI).

Другое художественное надгробие в виде арфы, на которой изображение скрипичного ключа, на могиле Оленьки Лакшевиц, жизнь которой оборвалась в 1953 году, когда ей не было и десяти лет. Кто знает, возможно эта "пчелка" тоже любила читать стихи Трутневой (XIII).

Много загадок хранит еще старый некрополь... Не один посетитель некрополя ломал голову, что символизирует стела с завитушками на могиле П. Ф. Билибина (1896-1952) (V - КК).

Возле Всехсвятского храма стоит железный крест, на котором умельцы изобразили в "сердечке" трубу, рядом - обычные символы сцены распятия Христа: не забыли лестницу, подобие копья, скипетр, а у самого основания креста буквы "НИК" - сим победиши. А профессия человека, захороненного здесь, - врач Юговской больницы, П. П. Беляев скончался 25 мая 1912 года 32 лет. Почти те же символы встретятся нам и на другом чугунном кресте - на могиле девицы Анны Рожковой (скончалась в 1901 году 16 лет 6 месяцев). На трех восьмиконечных окончаниях креста искусно напаяны ангелочки.

У самой оградки Всехсвятского храма сохранилось надгробие неизвестному пермяку - в образе нефтяной или лагерной вышки... или башни Татлина (VII). Но верхом самовыражения исполнителя надгробия является чугунный памятник на могиле неизвестного (XI). Двухметровое круглое сооружение, напоминающее не то высокую печку-"буржуйку", не то постамент для героя, венчает его стилизованная "стреляющая" пятиконечная звезда. Сильный образ. Оградка также из чугуна. Все массивное, на века - этакий памятник неизвестному железнодорожнику или коммунисту... Напротив (XIII) - еще одна оригинальность из чугуна: памятник полковнику Яргункину (1900-1954) решен в образе паровоза.

В квартале выдающихся пермских медиков (слева от саркофага Теплова) находится оригинальное надгробие доктора А. А. Яковлева (1895-1951), изящное выгнутое из толстой проволоки, удачен и профессиональный символ - чаша со змеей. Любопытно и надгробие С. В. Березнякова, (1892-1943): металлический ажурный памятник, отдаленно напоминающий крест, венчает ...красная звезда. Своеобразный символ переходного периода.

Надгробие Санжиных решено неизвестным мастером в образе лучистого солнечного круга, внутри которого - крест, и все из обычного железа (VII). Неподалеку от Успенского храма сохранился также металлический памятник в виде пропеллера.

Скульптурные барельефы встречаются на надгробиях часто: майора Теплова, авиатора В. А. Шаврина, педагога О. М. Варфоломеевой, М. Е. Важениной, Г. Т. Рослякова... Круглая скульптура представлена образом Скорбящей Матери (скульптор Ю. Екубенко) и ангелом (VII).

Отрадно заметить, что в последнее время, после того, как было принято решение властей о постановке некрополя на государственный учет (местного значения), на многих могилах стали появляться новые памятники, нередко художественной работы. Например, на могилах Е. И. Балашовой, подполковника Н. П. Плотникова, преподавателя Д. Н. Берга, в семейных оградках Кузнецовых, Кутенковых, Негановых, Стрельниковых...

Встречаются и красивые железные решетки, ограды, скамейки, например на семейных участках Медем, Орловых (XII), Копысовых (X).

На рубеже веков художественные намогильные кресты выполняла московская фабрика "В. Виллер на Покровке". Великолепные образцы "расцветших" крестов (правда, поржавевших) - в семейных оградках священников Будриных, Петровских и Пушиных (с фигурой архангела), купцов Досмановых (VIII). С конца 90-х кованые железные кресты появляются и на Егошихинском. (Подробнее см. в книге В. Гладышева "Перми старинное зеркало", П., 2001 г.).